Коллектив авторов

Полный курс уголовного права. Том V....

Учебники и учебные пособия (Юридический Центр Пресс)

Коллектив авторов

Полный курс уголовного права. Том V. Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право

«Юридический центр»

2008

ББК 67.408

Коллектив авторов

Полный курс уголовного права. Том V. Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право / Коллектив авторов — «Юридический центр», 2008 — (Учебники и учебные пособия (Юридический Центр Пресс))

ISBN 978-5-94201-542-8

Курс подготовлен известными российскими учеными в области уголовного права. В V томе рассматриваются понятие, система и виды преступлений против государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества, анализируются особенности их квалификации, исследуются приемы и способы отграничения от смежных составов. Изучаются вопросы Общей и Особенной части международного уголовного права.Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов, работников правоохранительных органов и судов.

ББК 67.408

ISBN 978-5-94201-542-8

© Коллектив авторов, 2008
© Юридический центр, 2008

Содержание

Раздел первый 6
Глава I 6
Глава II 9
§ 1. История уголовного законодательства России об ответственности за государственные преступления 9
§ 2. Понятие, общая характеристика и виды преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства 13
§ 3. Преступления, посягающие на внешнюю безопасность 18
А. Государственная измена (ст. 275 УК) 18
Б. Шпионаж (ст. 276 УК) 26
В. Разглашение государственной тайны (ст. 283 УК) 29
Г. Утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284 УК) 30
§ 4. Преступления, посягающие на внутреннюю безопасность 32
А. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК) 32
Б. Насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК) 34
В. Вооруженный мятеж (ст. 279 УК) 35
Г. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК) 37
Д. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК) 39
Е. Организация экстремистского сообщества (ст. 2821 УК) 41
Ж. Организация деятельности экстремистской организации (ст. 2822 УК) 43
§ 5. Преступление, посягающее на экономическую безопасность 45
А. Диверсия (ст. 281 УК) 45
Глава III 47
§ 1. История уголовного законодательства России об ответственности за должностные преступления 47
§ 2. Понятие, общая характеристика и виды преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления 59
§ 3. Преступления, совершаемые только должностными лицами 72
А. Злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК) 72
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Полный курс уголовного права
Том V
Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право

© Коллектив авторов, 2008
© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008

* * *

Раздел первый
Преступления против государственной власти

Глава I
Понятие, система и виды преступлений против государственной власти

Преступления против государственной власти – это посягательства на наиболее важные общественные отношения, складывающиеся в сфере функционирования различного рода государственно-властных структур.

В соответствии с известной триадой «личность – общество – государство», закрепленной в Конституции Российской Федерации как некий ориентир для выстраивания иерархии охраняемых законом ценностей, в УК РФ 1996 г. Раздел X «Преступления против государственной власти» располагается вслед за разделами о преступных посягательствах на личность и общество. Структурировав таким образом Особенную часть УК, законодатель сделал акцент на преимущественной защите интересов личности и общества, а не государства.

Далеко не все исследователи считают такой подход законодателя абсолютно корректным и бесспорным. Некоторые ученые полагают, что уголовный закон должен стоять на страже, прежде всего, государственных интересов и лишь затем – интересов личности и общества (С. В. Дьяков, С. Я. Улицкий и др.).

Любопытно отметить, что отдельные страны, входящие в СНГ, не восприняли российскую уголовно-правовую доктрину и в основу конструирования Особенной части своих уголовных кодексов положили иные принципы. Так, в УК Украины 2001 г. Особенная часть открывается разделом «Преступления против основ национальной безопасности Украины», в УК Республики Беларусь 1999 г. и в УК Азербайджанской республики 1999 г. – разделом «Преступления против мира и безопасности человечества»[1].

Во многих других странах мира приоритет в уголовно-правовой охране также отдается именно государственным интересам (или интересам национальной безопасности). Так поступили законодатели Китая, Японии, Голландии, Дании, ФРГ, Болгарии, Польши, Латвии, Эстонии[2]

Впрочем, немало и стран, законодатели которых структурируют свои уголовные кодексы по аналогии с российским. Суть проблемы поэтому не столько в месте, которое отводится в УК разделу «Преступления против государственной власти», сколько в том, каким нормативным материалом насыщается данный раздел.

Напомним, что в УК РСФСР 1960 г. также существовала глава «Государственные преступления» с двумя подразделами – «Особо опасные государственные преступления» и «Иные государственные преступления». Глава включала в себя весьма обширный перечень «разношерстных» норм об ответственности за преступные посягательства отнюдь не только на интересы государственной власти и национальной безопасности. Достаточно вспомнить, что сюда

---

[1] См.: Уголовный кодекс Украины. СПб., 2001; Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2001; Уголовный кодекс Азербайджанской республики. СПб., 2001.

[2] См.: Уголовный кодекс КНР. СПб., 2001; Уголовный кодекс Японии. СПб., 2002; Уголовный кодекс Голландии. СПб., 2001; Уголовный кодекс Дании. СПб., 2001; Уголовный кодекс ФРГ. М., 2000; Уголовный кодекс Республики Болгария. СПб., 2001; Уголовный кодекс Польши. СПб., 2001; Уголовный кодекс Латвийской республики. СПб., 2001; Уголовный кодекс Эстонской республики. СПб., 2001.

входили: террористический акт против представителя иностранного государства (ст. 67 УК), применение биологического оружия (ст. 67^1 УК), пропаганда войны (ст. 71 УК), нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии (ст. 74 УК), бандитизм (ст. 77 УК), контрабанда (ст. 78 УК), уклонение от призыва по мобилизации (ст. 81 УК), нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 85 УК), повреждение трубопроводов (ст. 86^1 УК), изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 87 УК), выпуск в обращение неофициальных денежных знаков (ст. 87^1 УК) и др.

В процессе реформирования уголовного законодательства отдельные преступления из упомянутой главы были декриминализированы (например, вредительство), многие другие нашли себе место в иных разделах и главах УК РФ 1996 г. При этом законодатель внес существенные коррективы в интерпретацию родового объекта рассматриваемой категории преступлений.

К преступлениям против государственной власти отнесены четыре группы посягательств на: а) основы конституционного строя и ее внешней безопасности; б) нормальную деятельность органов власти и управления, интересы государственной службы либо службы в органах местного самоуправления; в) нормальное функционирование системы правосудия; г) порядок управления. Общественные отношения, охраняемые нормами раздела X УК РФ, являются тесно связанными между собой и достаточно однородными в том смысле, что все преступления изучаемой категории представляют собой посягательства на различные ветви единой государственной власти – законодательную, исполнительную, судебную, а также на самую суть этой власти – основы конституционного строя и национальной безопасности.

В целом *преступления против государственной власти можно определить как виновные, противоправные, общественно опасные деяния, посягающие на основы конституционного строя и национальной безопасности России, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, правосудия и порядок управления.*

Родовым объектом преступлений против государственной власти является комплекс общественных отношений, обеспечивающих безопасность страны, интересы государственной и муниципальной службы, а также нормальное функционирование различных ветвей власти – законодательной исполнительной, судебной.

Родовой объект этой категории преступлений положен законодателем в основу объединения их в Разделе X «Преступления против государственной власти» УК РФ 1996 г. *Видовой (групповой) объект* учитывался в процессе распределения рассматриваемых преступлений по главам. В результате *классификация* их в УК РФ выглядит следующим образом:

– преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (гл. 29 УК);

– преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30);

– преступления против правосудия (гл. 31);

– преступления против порядка управления (гл. 32).

В теории уголовного права преступления против государственной власти принято дифференцировать и внутри отдельных глав. В частности, авторы настоящего курса, исходя из особенностей непосредственного объекта анализируемой категории преступлений и из специфики их субъекта, предлагают следующую классификацию этих преступлений.

1. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства:

а) преступления, посягающие на внешнюю безопасность (ст. 275, 276, 283, 284 УК);

б) преступления, посягающие на внутреннюю безопасность (ст. 277–280, 282, 282^1, 282^2 УК);

в) преступления, посягающие но экономическую безопасность (ст. 281 УК).

2. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления:

а) общие должностные преступления (ст. 285, 286, 293 УК);

б) специальные должностные преступления (ст. 285^1, 285^2, 287, 289, 290, 292 УК).

3. Преступления против правосудия:

а) преступления, посягающие на процессуальную и постпроцессуальную деятельность участников отношений (ст. 294, 299–310, 312–316 УК);

б) преступления, посягающие на личностные блага (жизнь, здоровье, честь, достоинство, личную безопасность) участников процессуальных и постпроцессуальных отношений, а также близких им лиц в целях воспрепятствования законной деятельности или из мести за такую деятельность (ст. 295–298, 311 УК).

4. Преступления против порядка управления:

а) преступления, посягающие на авторитет государственной власти и неприкосновенность Государственной границы РФ (ст. 329, 322, 322^1, 323 УК);

б) преступления, посягающие на представителей власти и иных лиц в связи с управленческой деятельностью (ст. 317–321 УК);

в) преступления, посягающие на установленный порядок обращения с документами и государственными наградами (ст. 324–327^1 УК);

г) преступления, посягающие на установленный порядок реализации гражданами прав и обязанностей в сфере управления (ст. 328, 330 УК).

Более подробный анализ системы и видов преступлений против государственной службы (включая очерк истории развития российского уголовного законодательства об ответственности за эти преступления) будет дан в последующих главах курса.

Глава II
Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства

§ 1. История уголовного законодательства России об ответственности за государственные преступления

Развитие и совершенствование правовой системы и законодательства всегда стимулируется необходимостью разрешения главного противоречия между новыми объективными процессами развития общества и государства и устаревшей юридической формой их отражения. Реальность, с которой обязан считаться законодатель, всегда многозначна. Учету подлежат: негативные явления и процессы общественного развития, отдельные из которых в виде конкретных, повторяющихся деяний подлежат криминализации; криминологические параметры преступности в целом и ее отдельных видов; последние достижения науки уголовного права; уровень общественного сознания и общественное мнение по принципиальным вопросам; исторические традиции и преемственность в правовом регулировании и законодательной технике; ресурсные возможности обеспечения действия закона и т. д.

Если проследить основные тенденции развития законодательства о преступлениях против государства в России с октября 1917 г., т. е. со смены общественно-экономической формации, то общая картина представляется в следующем виде.

На первом этапе после революции временные законы отражали накал классовой борьбы, стремление всеми силами, включая правовые, подавить политического противника. Суровая ответственность за контрреволюционные преступления предусматривалась **Декретом о суде № 1 от 22 ноября 1917 г., Обращением СНК ко всему населению от 26 ноября 1917 г. «О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Дутова, поддерживаемом Центральной Радой», Постановлением кассационного отдела ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов» (1918 г.)** и т. п.

Первый кодифицированный уголовный закон – УК **РСФСР** – был принят в **1922 г.** В нем были сформулированы общее понятие контрреволюционного преступления (ст. 57) и конкретные составы преступлений (измена Родине, шпионаж, диверсия и др.).

С момента образования Союза ССР (1922 г.) и после гражданской войны процесс законотворчества пошел более активно, и уже в **1927 г. ЦИК СССР** принял общесоюзное **Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)**. Его нормы полностью вошли в **УК РСФСР 1926 г.**

В УК давалось развернутое определение контрреволюционного преступления (ст. 58^{1}). «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или к ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР»[3].

Круг составов контрреволюционных преступлений, предусмотренных УК 1926 г., оказался в историческом аспекте достаточно стабильным (измена Родине, шпионаж, совершение террористических актов, диверсия, контрреволюционная пропаганда или агитация, а также проведение контрреволюционной организационной деятельности, контрреволюционный саботаж, недонесение о контрреволюционном преступлении и др.). Закон действовал с изменениями и дополнениями вплоть до 1959 г.

Резкий крен в сторону расширения репрессивных методов борьбы с контрреволюционными преступлениями обозначился с начала 30-х годов. Помимо создания внесудебных органов преследования граждан, **постановлением ЦИК СССР от 8 июня 1934 г.** УК 1926 г. был дополнен рядом статей, в частности предусматривающих усиление ответственности военнослужащих. За измену Родине, совершенную военнослужащим (ст. $58^{1б}$), вводилась абсолютно определенная санкция – расстрел с конфискацией всего имущества. Совершеннолетние члены его семьи, если они чем-то способствовали готовящейся или совершенной измене или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, карались лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества (ст. $58^{1в}$ УК).

Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, т. е. ни о чем вообще не знавшие, подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет[4].

К концу 50-х годов в связи со сменой социально-политического курса в стране, изменениями в стратегии и тактике деятельности спецслужб иностранных государств против СССР, а также изменениями в криминогенной обстановке внутри страны назрела потребность в очередной кодификации уголовного законодательства о государственных преступлениях.

25 декабря 1958 г. был принят **Закон Союза ССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления»**, в соответствии с которым раздел УК 1926 г. «Контрреволюционные преступления» трансформировался в «Особо опасные государственные преступления», а раздел «Особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления» – в «Иные государственные преступления». Статьи общесоюзного закона без всяких изменений были включены в **УК РСФСР 1960 г.**

Новый Закон в разделе «Особо опасные государственные преступления» сузил круг уголовно наказуемых деяний: декриминализировал контрреволюционный саботаж – ст. 58^{14}, сузил понятие шпионажа – ст. 58^{6}, снизил тяжесть санкций во многих составах преступлений и т. д. Общее количество статей сократилось с 18 до 10.

Вместе с тем некоторые законодательные новеллы, как показала дальнейшая практика борьбы с государственными преступлениями, оказались далеко не бесспорными и вызвали оживленные дискуссии среди ученых – юристов и практических работников[5].

Во-первых, заговор с целью захвата власти был включен в п. «а» ст. 64 УК РСФСР 1960 г. как одна из форм измены Родине, хотя явно не вписывался в непосредственный объект данного преступления (при измене это внешняя безопасность, при заговоре – внутренняя). В результате измена Родине (ст. 64 УК) стала представлять собой сложный и тяжеловесный состав

[3] СУ. 1927. № 49. Ст. 330.

[4] См.: СУ. 1934. № 30. Ст. 173.

[5] Подробнее об этом см.: *Кудрявцев В. Н., Трусов А. И.* Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002; *Савченко Д. А.*История российского законодательства об ответственности за государственные преступления. Новосибирск, 2002; *Рябчук В. Н.* Измена и шпионаж по законодательству России и бывших республик СССР: исторический обзор и сравнительный анализ. СПб., 2004.

преступления, включающий семь форм изменнической деятельности вместо четырех, как это было в УК 1926 г.

Во-вторых, была недооценена историческая перспектива ст. 58^2 УК 1926 г., в которой предусматривалась ответственность за «вооруженное восстание», «вторжение… на советскую территорию вооруженных банд», «захват власти в центре или на местах», включая «насильственное отторжение от Союза ССР и отдельной союзной республики какой-либо части ее территории». Новая волна кодификации уголовного законодательства в рамках Российской Федерации показала обоснованность многих из указанных признаков состава преступления.

«По воле законодателя ст. 70 УК РСФСР была направлена на защиту политической системы нашего государства и ее основы – Советской власти. На самом же деле данная статья карала за негативные мысли и убеждения, распространяемые лицом письменно или устно, разве что за исключением такой ее формы, как агитация или пропаганда, проводимая в целях совершения отдельных особо опасных государственных преступлений»[6].

В-третьих, вместо нормы о контрреволюционной пропаганде или агитации (ст. 58^{10} УК) была введена норма об антисоветской агитации и пропаганде (ст. 70 УК) с широкой трактовкой признаков состава преступления. Ради исторической объективности следует сказать, что норма, предусмотренная ст. 58^{10} УК 1926 г., с технико-юридической точки зрения более четко, конкретно определяла пропаганду и агитацию, сужая ее рамками призывов к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений. По сути, к призывной форме агитации и пропаганды мы возвратились теперь при обеспечении правовой защиты основ конституционного строя России (ст. 280 УК РФ 1996 г.).

Наконец, новый Закон не дал определения особо опасного государственного преступления. Такое определение было выработано наукой уголовного права. В условиях бывшего Союза ССР оно звучало так: «Особо опасными государственными преступлениями признаются предусмотренные общесоюзным уголовным законом общественно опасные деяния, направленные на подрыв или ослабление общественного строя СССР»[7]. Определение несет в себе две отличительные особенности данного вида преступлений: их направленность на родовой объект – государственный и общественный строй и предусмотренность специальным законом, нормы которого затем дублирует УК. Регламентация защиты конституционного строя специальным законом вполне соответствовала международным стандартам и была обусловлена спецификой правового регулирования обеспечения государственной безопасности. Нельзя также не учитывать, что борьбу с данной категорией преступлений вели и ведут органы государственной безопасности, прежде всего их оперативные и следственные подразделения. В решении задач защиты конституционного строя они используют специальные методы и средства, предусмотренные законами: **от 3 апреля 1995 г. «Об органах Федеральной службы безопасности Российской Федерации» и от 5 июля 1995 г «Об оперативно-розыскной деятельности**»[8].

В 1984 г. Закон СССР «Об ответственности за государственные преступления» претерпел ряд изменений и дополнений, обусловленных принятием Конституции СССР 1977 г., изменившимися условиями борьбы с данной категорией преступлений.

---

[6] *Кользеев А. Г.* Выступление на «круглом столе» // Обеспечение безопасности страны и прав человека. Новосибирск, 1992. С. 55.

[7] *Дьяков С. В., Игнатьев А. А., Карпушин М. П.* Ответственность за государственные преступления. М., 1988. С. 11.

[8] Подробнее об этом см.: *Федоров А. В., Шахматов А. В.* Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб., 2005; Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной-деятельности». М., 2004.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1984 г. изменена редакция ст. 1, 5, 7 Закона, а также включена новая статья – ст. 13^1 – об уголовной ответственности за передачу иностранным организациям сведений, составляющих служебную тайну. В соответствии с ним **Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1984 г.** изменена редакция ст. 64, 68, 70 УК и дополнительно включена ст. 76^1 УК. Внесенные изменения и дополнения проанализированы и достаточно полно освещены в юридической литературе.[9]

С апреля 1985 г. в России начался новый этап реформирования общественно-экономических и политических отношений. Создавалась новая доктрина обеспечения в целом национальной безопасности Российской Федерации. Впервые в истории России принят **Закон РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности»**, который в комплексе рассматривает все виды безопасности, в том числе государственную безопасность. Переосмысление многих фундаментальных положений о безопасности сказалось и на Законе от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления». Назрела необходимость его преобразования на базе новой научной концепции.

Реформирование Закона началось с безотлагательной отмены в 1989 г. ст. 7 Закона (ст. 70 УК РСФСР) об уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду. Вместо агитации и пропаганды преступлением были объявлены призывы к насильственному изменению конституционного строя (ст. 70 УК) и к совершению преступлений против государства (ст. 70^1 УК). Тем самым были резко сужены рамки уголовно-правового запрета, несущего на себе исторически наибольшую политико-идеологическую нагрузку.[10]

Происшедшие изменения в политической и общественно-экономической жизни страны нашли отражение в **Законе РФ от 9 октября 1992 г. «О защите конституционных органов власти в Российской Федерации»**.[11] В соответствии с ним в УК РСФСР внесены отдельные изменения и дополнения. Общая направленность Закона соответствует его названию – усиление защиты конституционных органов государственной власти.

29 апреля 1993 г. в главу УК о государственных преступлениях введены нормы об ответственности за применение биологического оружия (ст. 67^1 УК РСФСР) и разработку, производство, приобретение, сбыт, транспортировку биологического оружия (ст. 67^2),[12] которые явно не соответствовали родовому объекту особо опасных государственных преступлений.

Федеральным законом от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР »[13] в раздел «Особо опасные государственные преступления» главы первой Особенной части УК был внесен ряд изменений, которые требуют комментария.

Во-первых, в УК РСФСР была упразднена норма о диверсии (ст. 68), хотя и само явление, и возбужденные уголовные дела имелись. Презюмировалось, что одновременное введение в УК нормы о терроризме (ст. 213^3) поглощает состав диверсии, поскольку их объективные признаки (взрыв, поджог и иные общеопасные действия) совпадают.

Фактически же этого не произошло, поскольку терроризм как состав преступления ограничен целями нарушения общественной безопасности или воздействия на принятие решений органами власти, т. е. данная норма не нацелена на защиту экономических интересов России.

---

[9] См.: *Дьяков. С., Самойленко П.* Изменения и дополнения Закона от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» // Соц. законность. 1984. № 11.

[10] Подробнее см.: *Беляев А. Е., Воронцов В. М.*Уголовная ответственность за призывы, образующие преступления против государства. М., 1991;*Лунеев В. В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005.

[11] См.: Ведомости Съезда н/д и ВС РФ. 1992. № 44. Ст. 2470.

[12] См.: Там же. 1993. № 22. Ст. 789.

[13] См.: СЗ РФ. 1994. № 10. Ст. 1109.

Во-вторых, после отмены нормы о диверсии остались, вплоть до введения в действие нового УК РФ 1996 г., недекриминализированными нормы о публичных призывах к диверсии (ст. 70^1 УК РСФСР), недонесении о диверсии (ст. 88^1 УК) и укрывательстве диверсанта (ст. 88^2 УК).

В-третьих, оказалась выхолощенной в своем содержании норма о контрабанде (ст. 78 УК) путем сужения предмета данного преступления, т. е. исключения из перечня предметов главного – товаров (в диспозиции оставлены только стратегически важные сырьевые товары), что противоречило ст. 219 Таможенного кодекса РФ. В новой редакции фигурировал перечень лишь специальных предметов, представляющих повышенную опасность (наркотические, психотропные, сильнодействующие, ядовитые, отравляющие вещества, вооружение, взрывчатые вещества, взрывные устройства и т. п.), в силу чего контрабанда из преступления, посягающего на монополию внешней торговли, превратилась фактически в преступление против общественной безопасности. Истинная же контрабанда как состав преступления оказалась перенесенной в ст. 169^1 УК под названием «Нарушение таможенного законодательства Российской Федерации». Такое глобальное название совершенно не соответствовало диспозиции данной статьи, где речь шла об ответственности за «перемещение в крупных размерах через таможенную границу Российской Федерации товаров или иных предметов».

Сложность и противоречивость понятия, системы и классификации составов государственных преступлений сказались на процессе разработки, обсуждения и принятия нового УК РФ 1996 г., включая его главу 29 о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства.

§ 2. Понятие, общая характеристика и виды преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства

Система преступлений, ответственность за которые предусматривает уголовное законодательство, адекватна тому историческому этапу, который проходит Россия, разумеется, с учетом различных точек зрения, концепций и научных позиций во взглядах на реальности сегодняшнего дня.

В условиях медленного преодоления последствий тяжелого кризиса в стране, обострения политической борьбы, сложных и нередко конфликтных межнациональных отношений, несбалансированности участия государства в формировании новых экономических отношений, усиления экстремизма остро встает вопрос о защите уголовно-правовыми средствами основ конституционного строя и безопасности государства. Ослабление государственных институтов, бесконечное реформирование правоохранительных органов и спецслужб сопровождаются ростом преступности, особенно в организованных формах, попытками бесконтрольного вывоза за рубеж ценного сырья и лицензионных материалов, активизацией попыток сбора иностранными разведками сведений о запасах стратегического сырья и энергоресурсов, новейших технологиях и вооружении, перспективных научных исследованиях, которые составляют государственную тайну.

Криминологическая обстановка в России остается сложной. Ежегодно регистрируется около 3 млн преступлений. На этом фоне количество преступлений, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства, кажется мизерным. В 2002 г. было зафиксировано 114 таких преступлений, в 2003 г. – 99, в 2004 г. – 106, в 2005 г. – 183, в 2006 г. – 314 преступлений. Однако степень общественной опасности даже отдельных преступлений рассматриваемой группы, учитывая специфику объекта, на который они посягают, чрезвычайно высока.

Не самым тяжким, но самым распространенным из них является деяние, предусмотренное ст. 282 УК (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства). Динамика его совершения выглядит следующим образом: в 2002 г. зарегистрировано 74 преступления, в 2003 г. – 72, в 2004 г. – 59, в 2005 г. – 80, в 2006 г. – 173 преступления.

Второе место по распространенности занимает разглашение государственной тайны (ст. 283 УК). Причем наблюдается отчетливо выраженная тенденция к росту числа таких преступлений. Если в 2002 г. было зарегистрировано 15 фактов разглашения государственной тайны, то в 2005 г. – уже 58, а в 2006 г. – 85.

Далее следуют публичные призывы к осуществлению экстремисткой деятельности (ст. 280 УК): за период с 2002 по 2006 г. выявлено 44 таких преступления. К ним примыкают организация экстремистского сообщества (27 преступлений за этот же период) и организация деятельности экстремистской организации (39 преступлений).

Остальные преступления, отнесенные законодателем к категории посягательств на основы конституционного строя и безопасности государства, в уголовной статистике исчисляются единицами.

Так, с 2002 по 2006 г. зафиксировано: 8 случаев совершения государственной измены (ст. 275 УК), 13 – посягательства на жизнь государственного или общественного деяния (ст. 277 УК), 14 – насильственного захвата власти или ее насильственного удержания (ст. 278 УК), 6 – вооруженного мятежа (ст. 279 УК), 6 случаев – утраты документов, содержащих государственную тайну (ст. 284 УК).

Уголовные дела по признакам шпионажа (ст. 276 УК) в тот же промежуток времени не возбуждались ни разу[14].

«Негативные процессы в экономике усугубляют центробежные устремления субъектов Российской Федерации и ведут к нарастанию угрозы нарушения территориальной целостности и единства правового пространства страны».[15]

Серьезную опасность представляют попытки отдельных политических авантюристов нарушить суверенитет и целостность федеративного государства, возбудить конфликтные отношения центра с субъектами Федерации, вплоть до вооруженного мятежа и развязывания гражданской войны.

Особую тревогу в последнее время стали вызывать участившиеся случаи проявления экстремизма.

Среди актуальных проблем совершенствования уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления против государства, выделяются: место данной категории составов преступлений в системе УК, широта и определенность объекта защиты уголовно-правовыми средствами, структура (наполнение) главы УК и классификация государственных преступлений, технико-юридические и смысловые компоненты конкретных составов преступлений с позиций обнаружения пробелов правового регулирования, коллизий правовых норм, наконец, адекватности отражения системой действующих составов преступлений реальной криминологической обстановке в стране.

В системе Особенной части УК РСФСР глава о государственных преступлениях традиционно ставилась на первое место. А поскольку ответственность за государственные преступления в бытность СССР предусматривалась специальным общесоюзным законом 1958 г., то все бывшие союзные республики в нормотворческом процессе шли по данному пути.

Конституция РФ 1993 г. сменила приоритеты в защите государства и личности. В ней отмечается, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2). В науч-

---

[14] Преступность, криминология, криминологическая защита. М., 2007. С. 354–355.

[15] См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г., № 1300 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г.) // СЗ РФ. 1997. № 52. Ст. 5909; Российская газета. 2000. 18 янв.

ный, практический оборот и законодательство довольно прочно вошло выражение «личность – общество – государство». В новом УК государственные преступления (они названы «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства») предусматриваются в главе 29, а на первое место в Особенной части переместился раздел «Преступления против личности».

Думается, что такой подход носит во многом эмоциональный характер, как антитеза в оценке предшествующего исторического периода, отдававшего приоритет государственным интересам. Справедливым же, по нашему мнению, представляется взгляд на указанную триаду ценностей не арифметический (кто на первом месте), а функциональный, с позиций их неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости. Ведь каждому ясно: сколько ни ставь на первое место личность, ее права и свободы, реальная защищенность не будет обеспечена, если слабы и недееспособны институты государственной власти. «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2 Конституции РФ). Именно эта сторона конституционного положения нередко забывается в дискуссиях и творческой полемике.

Новый Уголовный кодекс Украины 2001 г. (раздел I Особенной части «Преступления против основ национальной безопасности Украины»), уголовные кодексы Латвии (1998 г.) и Эстонии (1992 г.) по-прежнему выносят главы о государственных преступлениях на первое место в Особенной части[16].

Если просмотреть структуру уголовных кодексов с позиций дальнего зарубежья, то и там в системе Особенной части УК многих государств названные главы стоят на первом месте (УК Польши, Кубы, Италии, Франции, Китая, Японии)[17].

Такой подход обусловлен, прежде всего, емкостью и широтой родового объекта названных преступлений, в качестве которого выступают: основные политические и экономические интересы (УК Польши и Италии); внешняя и внутренняя безопасность государства (УК Кубы и Китая); основополагающие интересы нации (УК Франции и Японии).

В новом УК России родовым объектом государственных преступлений названы «основы конституционного строя и безопасность государства». Основы же конституционного строя, как говорится в самой Конституции (ст. 16), – это положения, изложенные в ст. 1–16. А в них речь идет о защите интересов и личности, и общества, и государства.

Нельзя не видеть, что родовой объект рассматриваемых преступлений определен глобально и не соответствует той системе преступлений, которые предусмотрены главой 29 УК РФ. В самом деле, основы конституционного строя раскрывают совокупность защищаемых Основным Законом общественных отношений по: установлению типа государства и формы его правления (ст. 1), признанию человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2), а многонационального народа – носителем суверенитета и единственным источником власти (ст. 3), распространению суверенитета на всю территорию Российской Федерации (ст. 4), федеративному устройству государства (ст. 5), правовому закреплению гражданства Российской Федерации (ст. 6), социальной сущности государства, призванного обеспечить достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7), защите всех форм собственности (ст. 8), охране земель и других природных ресурсов (ст. 9), разделению власти на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10) с закреплением носителей государственной власти в центре и в субъектах Российской Федерации (ст. 11), признанию и обеспечению гарантий местного самоуправления (ст. 12), идеологического многообразия (ст. 13), отделению религиозных объединений от государства (ст. 14), приданию Конституции высшей юридиче-

[16] См.: Уголовный кодекс Украины. СПб., 2001; Уголовный кодекс Латвийской республики. СПб., 2001; Уголовный кодекс Эстонской республики. СПб., 2001.

[17] См.: Уголовный кодекс Польши. СПб., 2001; Уголовный кодекс Республики Куба. М., 1983; Уголовный кодекс Италии. М., 1991; Уголовный кодекс КНР. СПб., 2001; Уголовный кодекс Японии. СПб., 2002; Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002.

ской силы и закреплению приоритета международного договора над внутренним законодательством (ст. 15), декларированию того, что «никакие другие положения настоящей Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации» (ст. 16).

Такая широта защищаемых общественных отношений может быть адекватна, пожалуй, задачам, стоящим перед Уголовным кодексом в целом (ст. 2 УК). О безопасности государства Конституция говорит в нескольких аспектах: запретительном (ст. 13), в аспекте ограничения прав и свобод человека и гражданина, если это необходимо для обеспечения безопасности государства (ст. 55), отнесения безопасности государства к ведению Российской Федерации (ст. 71) и возложения обязанности на Президента России защищать безопасность и целостность государства (ст. 82). Обеспечение безопасности достигается системой экономических, политических, военных, правовых, организационно-технических и финансовых методов и средств. И здесь емкое понятие «безопасность государства» явно не адекватно тем правовым мерам охраны и защиты, которые сформулированы в составах преступлений, предусмотренных в главе 29 УК. Нормы других глав УК также несут на себе нагрузку обеспечения безопасности государства (например, преступления против военной службы (гл. 33), против мира и безопасности человечества (гл. 34 и т. д.).

По нашему мнению, *родовым объектом* рассматриваемых преступлений является государственная безопасность как состояние стабильности, прочности и защищенности конституционного строя от тех источников опасности, которые реально имеются в современных условиях перехода России к новому общественно-экономическому строю. Это понятие более локально, оно закреплено в Основном Законе как функция Правительства (ст. 114) и находится в ряду других видов безопасности (например, Закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» признает основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий события или действия, создающие угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации (п. 2 ст. 7)).

В УК РФ система государственных преступлений не имеет деления на особо опасные и иные. В УК РСФСР 1960 г. иные государственные преступления не имели единого родового объекта, и поэтому их место в системе Кодекса подвергалось обоснованной критике[18].

В зависимости от понимания источников опасности, а следовательно, непосредственных объектов предлагаются различные взгляды на *классификацию* преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Так, А. В. Наумов, с оговоркой об известной условности, предлагает следующую классификацию преступлений:

1) преступления, посягающие на внешнюю безопасность Российской Федерации: государственная измена (ст. 275 УК); шпионаж (ст. 276 УК);

2) преступления, посягающие на легитимность государственной власти: насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК); вооруженный мятеж (ст. 279 УК);

3) преступления, посягающие на конституционный принцип политического многообразия и многопартийности (как один из составляющих основы конституционного строя): посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК);

4) преступления, посягающие на экономическую безопасность и обороноспособность Российской Федерации: диверсия (ст. 281 УК); разглашение государственной тайны (ст. 283 УК); утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284 УК);

5) преступления, посягающие на конституционный запрет разжигания расовой, национальной и религиозной розни (как один из составляющих основы конституционного строя), а также являющиеся проявлением экстремизма: возбуждение ненависти либо вражды, а равно

[18] См.: *Ляпунов Ю. И., Мшвениерадзе П. Я.* Основы систематизации норм Особенной части уголовного права // Правоведение. 1965. № 3. С. 30; *Дьяков С. В.*, *Игнатьев А. А., Карпушин М. П.* Указ. соч. С. 85.

унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК), организация экстремистского сообщества (ст. 282^1 УК), организация деятельности экстремистской организации (ст. 282^2 УК)[19].

По нашему мнению, представленная классификация уязвима по ряду причин.

Во-первых, не просматривается единое основание классификации, без чего она лишается научной строгости и четкости и приобретает характер спонтанности и умозрительности.

Во-вторых, преступления, предусмотренные в п. 2 (ст. 278, 279), посягают не на легитимность государственной власти, а на внутреннюю безопасность или политическую систему Российской Федерации. Легитимность как «признание или подтверждение законности какого-либо права, полномочия»[20], безусловно, страдает при совершении указанных преступлений. Однако не она является объектом рассматриваемых деяний, а сама внутренняя безопасность как состояние защищенности конституционного строя от внутренних угроз. Вполне правомерно можно ставить вопрос о легитимности существующего конституционного строя вне ситуаций совершения преступлений указанной группы.

«Кризис легитимности возникает в результате рассогласования целей и ценностей правящего режима с представлениями основной части граждан о необходимых формах и средствах политического регулирования, нормах справедливого правления и с другими ценностями массового сознания. Соответствие целей режима и массовых представлений способствует поддержке и росту легитимности правящих структур, а несоответствие – падению легитимности и дестабилизации государственности»[21].

В-третьих, было бы неточным относить разглашение государственной тайны (ст. 283) и утрату документов, содержащих государственную тайну (ст. 284), к преступлениям, посягающим на экономическую безопасность и обороноспособность. Государственная тайна, как известно, имеет место не только в сферах экономики и обороны.

По нашему мнению, в основе классификации преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства должна лежать *направленность источников угроз*. В обобщенной форме эти источники угроз могут быть извне, внутри страны, а также иметь место в экономической сфере. Источники угроз в экономике могут быть, в принципе, и извне, и внутри. Выделение и рассмотрение их отдельно обоснованно и актуально в связи с переходом России к новым общественно-экономическим отношениям. Причем речь идет о тех сферах экономики, где и в условиях рынка сохраняются монопольные права государства (на выпуск официальных денежных знаков, перемещение товаров и предметов через таможенную границу, контроль и преследование за выпуск фальшивых денежных знаков и т. п.). Именно эти сферы экономики, по нашему мнению, должны защищаться с помощью норм об ответственности за государственные преступления[22]. Таким образом, речь идет о государственной экономической безопасности.

Соответственно источникам угроз родовой объект – государственная безопасность – делится на три *непосредственных объекта*: внешняя безопасность, внутренняя безопасность и экономическая безопасность.

В целом классификация государственных преступлений (против основ конституционного строя и безопасности государства) представляется в следующем виде.

1. Преступления, посягающие на внешнюю безопасность:

– государственная измена (ст. 275 УК);

---

[19] См.: Уголовное право России. Часть Особенная. М., 2004. С. 570.

[20] Словарь иностранных слов. М., 1979. С. 281.

[21] *Пугачев В. П., Соловьев А. И.* Введение в политологию. М., 1995. С. 313.

[22] Подробнее см.: *Дьяков С. В.* Унификация уголовного законодательства об ответственности за преступления против государства // Вестник Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. 1995. № 4. С. 37–46.

– шпионаж (ст. 276 УК);

– разглашение государственной тайны (ст. 283 УК);

– утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284 УК).

К этой категории преступлений следовало бы, по нашему мнению, отнести: незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации (ст. 322 УК) и противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации (ст. 323 УК)[23].

2. Преступления, посягающие на внутреннюю безопасность:

– посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК);

– насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК);

– вооруженный мятеж (ст. 279 УК);

– публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК);

– возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК);

– организация экстремистского сообщества (ст. 282^1 УК);

– организация деятельности экстремистской организации (ст. 282^2 УК).

Сюда же следовало, по нашему мнению, отнести: организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК), массовые беспорядки (ст. 212 УК), а также преступления террористического характера, предусмотренные ст. 205–207, 277, 360 УК.

3. Преступление, посягающее на экономическую безопасность:

– диверсия (ст. 281 УК).

Вывод очевиден: экономическая безопасность оказалась одной из самых слабых сфер защиты с помощью норм об ответственности за государственные преступления. С учетом монопольных прав государства в экономической сфере в рассматриваемую главу имело бы смысл включить следующие составы:

– изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК);

– контрабанда (ст. 188 УК);

– незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191 УК);

– невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193 УК).

Изложенное позволяет сформулировать общее понятие преступлений против государства с учетом источников угроз и направленности на указанные сферы общественных отношений.

Преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства признаются предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на государственную безопасность (внешнюю, внутреннюю и экономическую) Российской Федерации.

§ 3. Преступления, посягающие на внешнюю безопасность

А. Государственная измена (ст. 275 УК)

Государственная измена есть шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации.

Высокая общественная опасность государственной измены заключается в том, что из владения государства уходят сведения, составляющие государственную тайну, которые, попадая

[23] В связи с этим их включение в главу 32 «Преступления против порядка управления» вряд ли обоснованно.

в руки иностранных спецслужб и будучи использованными ими против интересов России, сводят на нет многолетний труд больших коллективов по созданию оригинальных технологий, новых видов вооружений, разработке планов обороны страны в особый период и т. п. Действия изменника способны нанести колоссальный экономический ущерб государству, повлечь за собой срыв перспективных научных исследований, привести к «замораживанию» строительства особо важных объектов, вызвать осложнения в межгосударственных отношениях, вплоть до разрыва экономических связей.

Необратимый ущерб приносят действия изменника в годы войны или военного конфликта. Так, измена Родине, совершенная Власовым в период Великой Отечественной войны, стоила жизни многим тысячам бойцов и командиров Советской Армии. Большой ущерб государственной безопасности страны нанесли изменники – агенты иностранных разведок Пеньковский, Филатов, Толкачев, Суслов и др.[24]

УК РФ 1996 г. сменил название рассматриваемого преступления «измена Родине» на «государственная измена». Первое имело, скорее, эмоционально-патриотическое звучание, второе – в большей мере юридическое. Патриотизм как внутреннее духовное наполнение личности играет важную функцию в оценке и мотивации поведения личности. Не случайно Конституция СССР признавала измену Родине самым тяжким преступлением перед народом (ст. 62). Таким образом, смена названия есть отражение общей позиции составителей УК: формулировку статей за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства лишить той идеологизированности, которая была присуща соответствующим формулировкам прежнего Кодекса[25].

Государственная измена заключается в акте предательства, т. е. оказании гражданином России помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности против Российской Федерации. Закон предусматривает ответственность за специальные формы оказания помощи (шпионаж, выдача государственной тайны) либо за иное оказание помощи, если они направлены в ущерб внешней безопасности.

Внешняя безопасность как объект преступного посягательства означает состояние защищенности государственного и общественного строя России от угроз извне. Действия виновного создают угрозу суверенитету, территориальной неприкосновенности, государственной безопасности и обороноспособности Российской Федерации.

Указанные компоненты тесно связаны между собой, и вопрос о том, какому из них наносится наибольший вред, подлежит установлению в каждом конкретном случае, на основе имеющихся материалов.

Внешняя безопасность – емкий объект. Он свидетельствует лишь о том, что угроза исходит извне. А быть обращенной она может практически в любую охраняемую государством сферу общественных отношений: политику, экономику, науку, экологию и т. д.

Объективная сторона государственной измены выражается в трех формах:

а) шпионаже;

б) выдаче государственной тайны;

в) ином оказании помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности.

Объективные признаки *шпионажа* раскрываются в ст. 276 УК, которая будет предметом специального рассмотрения. По указанной статье несут ответственность иностранные граждане и лица без гражданства. Граждане же России несут ответственность за шпионаж по ст.

---

[24] См.: Российское уголовное право. Курс лекций. Т.6:Преступления против государственной власти. Владивосток, 2002. С. 23.

[25] См.: *Шумилов А. Ю.*Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. М., 2001.

275 УК. При этом передача, а равно собирание, похищение или хранение в целях передачи сведений, составляющих государственную тайну, а также передача или собирание по заданию иностранной разведки иных сведений осуществляются лицом, которому указанные сведения не были доверены по службе или работе.

Шпионаж – это явление, распространенность которого зависит от активности действий зарубежных спецслужб и глубины кризисных явлений в данной стране. В 1995 г. 28 российских граждан уличили в шпионаже, за 6 месяцев 1996 г. – 11 человек. Предотвращено более ста попыток передачи сведений, составляющих государственную тайну, иностранным представителям за вознаграждение. В 1997 г. из России было выдворено около 30 разведчиков, обезврежено 7 агентов из числа российских граждан. Выявлено и взято под контроль более 400 кадровых сотрудников иностранных спецслужб и лиц, обоснованно подозреваемых в принадлежности к ним.

За 2001 г. было выявлено и взято в предметную разработку 130 кадровых сотрудников спецслужб иностранных государств. Были захвачены с поличным 10 иностранных граждан, в том числе 6 кадровых сотрудников иностранных спецслужб и один агент. Противоправную деятельность 50 иностранных агентов ФСБ удалось полностью пресечь. В этом же году ФСБ выявила семерых российских граждан, которые по собственной инициативе пытались предложить свои услуги разведкам Ирана, Ирака, Турции, КНДР, КНР, Израиля и Кувейта[26].

Те же тенденции наблюдались и в последующие годы. Так, в 2005 г. Федеральной службой безопасности России пресечена деятельность 26 кадровых сотрудников и 67 агентов иностранных спецслужб. Захвачены с поличным три кадровых сотрудника и три агента зарубежной спецслужбы, в отношении одного иностранного гражданина возбуждено уголовное дело, выдворены из страны 13 иностранных граждан, причастных к деятельности спецслужб[27].

Выдача государственной тайны выражается в действиях, связанных с передачей иностранному государству, иностранной организации или их представителям указанных сведений лицом, которому они были доверены по службе или работе либо стали известны иным путем, за исключением их собирания либо похищения. В этом состоит отличие выдачи государственной тайны от шпионажа, при котором собираются и передаются либо хранятся с целью передачи сведения, которыми лицо не располагает по службе (работе). Например, Т., будучи ведущим инженером режимного НИИ, по своей инициативе установил преступную связь с иностранной спецслужбой и выдал известные ему по работе сведения, составляющие государственную тайну.

УК РФ 1996 г. расширил адресат выдачи. Если раньше им выступало только иностранное государство, то теперь, наряду с ним, – иностранная организация или их представители, т. е. адресат стал таким же, как и при совершении шпионажа.

Иностранное государство при совершении данного преступления фигурирует в лице его официальных органов, и прежде всего спецслужб.

Иностранная организация может быть и государственной, и негосударственной (различные объединения, союзы, общества и т. д., независимо от их профессиональной и творческой направленности).

Представителями иностранного государства и иностранной организации являются их официальные лица (члены правительственных делегаций, сотрудники дипломатического корпуса, сотрудники иностранных спецслужб, члены иностранных негосударственных организаций и т. д.), а также иные (неофициальные) лица, действующие по их поручению.

Предметом выдачи выступают сведения, составляющие государственную тайну.

---

[26] См.: Российское уголовное право. Курс лекций. Т.6:Преступления против государственной власти. С. 24–25.

[27] См.: *Рябчук В. Н.* Государственная измена и шпионаж. СПб., 2007. С. 986.

Государственную тайну образуют защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации (ст. 2 Закона РФ от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне», с последующими изменениями)[28].

В указанном Законе (ст. 5) дается перечень сведений, составляющих государственную тайну. По своему содержанию это сведения:

а) о содержании стратегических и оперативных военных планов, подготовке и обучении военнослужащих, подготовке планов военных операций по оперативному и мобилизационному развертыванию войск и использованию мобилизационных ресурсов;

б) о развитии военной техники, вооружения, деятельности научных учреждений, работающих в этой области, включая сведения о ядерной технологии и о ядерном оружии, ракетном топливе и др.;

в) о дислокации различных военных объектов, об их проектировании и строительстве и т. п., о структуре воинских частей и их численности;

г) в области экономики, науки и техники, о запасах стратегического сырья, государственных резервах, гражданской обороне, ее силах и средствах, об объемах и планах государственного заказа, о производственных мощностях, работающих на гражданскую оборону, и т. п., о государственных запасах драгоценных металлов и драгоценных камней и т. д.;

д) в области экономики и внешней политики;

е) о разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности различного характера;

ж) о лицах, сотрудничающих с органами разведки, контрразведки;

з) о системе правительственной и специальной связи, шифрах, о методах защиты секретной информации;

и) иные сведения, передаваемые и добываемые по заданию иностранных разведок. Речь идет о любых сведениях секретного и несекретного характера, если они собираются или передаются по заданию иностранной разведки.

Перечисленные сведения должны иметь определенные реквизиты о степени секретности, об органе, который их засекретил, и соответствующий регистрационный номер[29]. Исчерпывающий же открытый Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне утвержден Указом Президента РФ от 30 ноября 1995 г. № 1203 (в ред. Указа Президента РФ от 24 января 1998 г. № 61, с последующими изменениями и дополнениями)[30]. Государственную тайну не составляют сведения об экологической безопасности России.

О сложностях толкования, установления и доказывания рассматриваемого (в части, касающейся государственной тайны) и некоторых других признаков состава государственной измены (а отсюда – и ошибочности в квалификации) свидетельствует тот, например, факт, что в отношении инженера-эколога Н., обвинявшегося в государственной измене, в 2000 г. судом г. Санкт-Петербурга вынесен оправдательный приговор, а военный журналист П., хотя и осужден в конце концов (по истечении четырех лет с момента возбуждения уголовного дела) к четырем годам лишения свободы по ст. 275 УК, однако из 10 пунктов обвинения военный суд Тихоокеанского флота вынужден был исключить девять[31].

---

[28] См.: Российская газета. 1993. 21 сент.; СЗ РФ. 1997. № 41. Ст. 4673; 2003. № 27 (ч. I). Ст. 2700.

[29] См.: Подробнее об этом см.: *Мазуров В. А.* Тайна государственная, коммерческая, банковская, частной жизни. Уголовно-правовая защита. М., 2003;*Паршин С. М.* Тайна в уголовном законодательстве (теоретико-прикладное исследование). Авто реф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

[30] См.: СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4775; 1998. № 8. Ст. 561.

[31] См.: Известия. 2001. 26 дек.; *Рябчук В. Н.* Государственная измена и шпионаж. С. 634–635; Известия. 2007. 22 авг.

Оконченным преступлением выдача признается с момента перехода сведений, составляющих государственную тайну, в адрес иностранного государства, иностранной организации либо их представителей.

Могут иметь место стадии приготовления либо покушения на преступление (например, задержание виновного при попытке передать сведения указанным адресатам).

Сама выдача (передача) производится лично, через посредников, по почте, радио, факсу, через компьютерную сеть, с использованием специальных средств связи, с помощью тайников, тайнописи, микрофотографии и т. п.

Например, агент французской разведки Ветров, известный в зарубежной печати под псевдонимом "Farewell", выносил со службы подлинники совершенно секретных документов и передавал их французским разведчикам. Те быстро копировали их и отдавали шпиону. Ветров спустя непродолжительное время возвращал документы на место постоянного хранения, в связи с чем их отсутствие оставалось незамеченным. Агент ЦРУ США Огородник («Трианон», по другим источникам – «Тригон») для передачи собранной информации пользовался микрофотографией, тайнописью и тайниками[32].

Дискуссионным остается вопрос о квалификации действий лица по выдаче указанным адресатам сведений, составляющих государственную тайну, которые стали ему известны не по службе или работе, а случайно (например, нашел утерянную кем-то папку с документами, содержащими государственную тайну, воспринял информацию от болтливого человека и решил на этом «заработать» и т. п.). В литературе предлагается рассматривать подобные случаи не как выдачу, а как оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против России[33]. «Если при оформлении допуска лицо берет на себя обязательство сохранять государственную тайну, то в отношении лиц, имеющих особый правовой статус, распространяются лишь общие правовые обязанности должностных лиц и граждан соблюдать Конституцию и законы РФ (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ). Случайные обладатели государственной тайны хотя и несут указанную общеправовую обязанность, но не имеют законного или санкционированного доступа к соответствующим сведениям»[34]. С таким мнением вряд ли можно согласиться.

Во-первых, общеправовая обязанность означает, что она касается всех, а оформление допуска – лишь части граждан. Другие могут иметь доступ к сведениям, содержащим государственную тайну и без оформления допуска (например, депутаты, адвокаты и т. д.).

Во-вторых, Конституция декларирует возможность правоограничений, если это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55).

Все это говорит в пользу квалификации таких действий виновного как государственной измены в форме выдачи сведений, составляющих государственную тайну.

В научных трудах высказывалась и принципиальная позиция о возможности в целом упразднения рассматриваемой формы измены. «Представляется целесообразным оставить в законе указание только на такую форму измены Родине, как шпионаж, который охватывает собой и случаи выдачи тайны лицом, обладающим тайной, и случаи собирания или похищения указанных сведений с целью передачи их иностранному государству, иностранной организации или их агентуре»[35].

Действительно, на первый взгляд основания для объединения шпионажа и выдачи в одну форму измены имеются: по объективным признакам деяния они близки. Однако по содержа-

---

[32] См.: *Рябчук В. Н.* Указ. соч. С. 697.

[33] См.: *Беляев А. Е.* Уголовно-правовая характеристика преступлений, борьба с которыми отнесена к компетенции органов ФСБ России. М., 2002.

[34] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1996. С. 492.

[35] См.: *Дьяков С. В., Игнатьев А. А., Карпушин М. П.* Указ. соч. С. 28.

нию нетождественны. Например, лицо в экстремальных ситуациях действий зарубежных спецслужб может под психическим принуждением, не парализующим его волю, выдать сведения, представляющие особую важность для интересов России. Если при этом отсутствует ситуация крайней необходимости, то такие действия, следуя указанной логике, необходимо квалифицировать как шпионаж, что противоречит содержательной оценке данного явления.

Иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности против России выражается в совершении различных деяний, направленных на оказание им содействия в проведении разведывательной и иной подрывной деятельности против основ конституционного строя и безопасности Российской Федерации, если они не охватываются вышеуказанными формами государственной измены.

Объективно оказание помощи связано с установлением контакта (связи) гражданином России с иностранным государством, иностранной организацией или их представителями и совершением по их заданию:

а) других (кроме государственной измены) преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства;

б) деяний, не образующих признаков указанных преступлений, но наносящих ущерб внешней безопасности России.

В первом случае действия виновного квалифицируются по совокупности преступлений: государственная измена и конкретное преступление данного вида (террористический акт, диверсия, вооруженный мятеж и т. д.).

Во втором случае круг деяний многообразен и не имеет исчерпывающего перечня. Объективно он сходен с пособническими действиями в контакте с иностранным государством или организацией. Объединяющим началом является их направленность против внешней безопасности России. Это могут быть: вербовка агентуры для иностранной спецслужбы, подбор для нее явочных и конспиративных квартир, вступление гражданина России в агентурные отношения с зарубежной спецслужбой, оказание содействия иностранным эмиссарам и кадровым разведчикам в приобретении документов прикрытия, устройстве на работу, связанную с доступом к государственным секретам, и т. п. Оказание помощи может быть как в мирное, так и в военное время.

Преступление считается оконченным с момента фактического оказания помощи. Могут иметь место стадии совершения преступления. Приготовление образуют: разработка плана оказания помощи, создание условий для установления контакта с адресатами, приведение в систему, удобную для выдачи, тех сведений и возможностей, которыми располагает данное лицо, и т. д. Как покушение квалифицируются: неудавшаяся попытка установить контакт с представителями иностранного государства или иностранной организацией, совершение действий, направленных на оказание помощи, которой иностранная разведка по каким-то причинам не смогла воспользоваться, и т. п.

Например, С. подготовил и тайно подбросил на территорию французского Генконсульства в Санкт-Петербурге пакет с письмом, в котором изложил свою просьбу о конспиративной встрече с представителем консульства для обсуждения условий его сотрудничества в интересах Франции.

Не дождавшись ответа, С. повторно изготовил и подбросил на территорию того же консульства пакет с двумя рукописными документами.

В первом документе С., обращаясь к консулу, заявил о своей готовности сотрудничать с французскими спецслужбами и назначил встречу на площади Искусств, обусловив ее вещественным и словесным паролем. В этом же документе он обязался сообщить находившиеся в его распоряжении сведения военного характера.

Во втором документе С., подчеркивая серьезность своих намерений, изложил сведения о действительном и условном наименовании, дислокации, штатном составе и боевой задаче одной из воинских частей, а также выразил готовность за материальное вознаграждение выдать и остальные известные ему сведения военного характера.

Прибыв на обусловленную встречу на площадь Искусств, С. вступил в контакт с оперативным работником контрразведки, которого принял за представителя французского Генконсульства. В беседе с ним подтвердил свои намерения по оказанию помощи в проведении враждебной деятельности против своей страны.

С. передал «иностранцу»:

а) перечень шпионских и иных подрывных действий, которые С. обязывался проводить по заданию иностранной спецслужбы;

б) список и негативные характеристики на шестерых граждан, которые, по мнению С., могли заинтересовать французскую разведку;

в) письмо с изложением мотивов своей противоправной деятельности;

г) заявление С. во французское Генконсульство, содержащее ходатайство о предоставлении ему гражданства названной страны;

д) подробную автобиографию.

На очередной встрече с «дипломатом» С. был задержан с очередной партией документов, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, и против него было возбуждено уголовное дело.

Санкт-Петербургский городской суд, рассмотрев материалы предварительного следствия, квалифицировал действия С. как покушение на измену в форме оказания помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности и покушение на измену в форме выдачи сведений, составляющих государственную тайну[36].

В связи с сокращением количества форм измены с семи (УК 1960 г.) до трех (УК 1996 г.) возникает вопрос об эффективности уголовно-правовой защиты внешней безопасности России. Не повлекло ли сокращение форм к пробелам правового регулирования?

Сразу же ответим, что подобного не произошло.

Две формы измены (бегство за границу и отказ возвратиться из-за границы) в научной литературе подвергались критике задолго до принятия нового УК. В самом деле, ведь не сам факт бегства за границу или отказ вернуться из-за границы образует измену, а то, ради чего совершаются такие действия. Но тогда они выступают составной частью (этапами) совершения других форм измены (шпионажа, выдачи и т. д.). Отсюда предлагалось упразднить указанные формы, что сделало бы данный состав преступления и с содержательной и с технико-юридической точек зрения более упорядоченным и четким[37]. Конституционный Суд РФ, рассмотрев материалы дела о проверке конституционности ряда положений пункта «а» ст. 64 УК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Смирнова, 20 декабря 1995 г. постановил: «…признать положение пункта “а” ст. 64 УК РСФСР, квалифицирующее бегство за границу или отказ вернуться из-за границы как форму измены Родине, не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 27 (часть 2), 55 (часть 3)»[38]. По существу, Конституционный Суд предвосхитил решение законодателя об упразднении указанных форм в УК РФ.

Переход на сторону врага как форма измены Родине (в УК 1960 г.) означал оказание лицом помощи иностранному государству в период войны или военного конфликта. В УК 1996 г. эти действия охватываются государственной изменой в форме оказания помощи ино-

[36] См.: *Дьяков С. В.* Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 25–26.

[37] См.: *Дьяков С. В., Игнатьев А. А., Карпушин М. П.* Указ. соч. С. 35.

[38] Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 6. С. 52.

странному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности против Российской Федерации.

Заговор с целью захвата власти как форма измены Родине (в УК 1960 г.) выделен из этого состава в отдельную норму – «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» (ст. 278 УК 1996 г.). Если заговор предполагал устойчивое объединение круга лиц в форме преступного сообщества и с этого момента преступление считалось оконченным, то новый УК связал момент окончания преступления с конкретными действиями по насильственному захвату или насильственному удержанию власти[39].

Выделение заговора из измены логично и обоснованно, поскольку он не вписывался в объект посягательства данного преступления. Заговор не связан сам по себе с изменой в пользу другого государства. «По этой причине, например, с большими трудностями столкнулись обвинение и суд при квалификации действий организаторов ГКЧП (события августа 1991 г.). Очевидно, что заговорщики не пытались оказать помощь какому-либо государству в проведении им враждебной деятельности против бывшего Советского Союза. Поэтому юридический "крах" этого дела также свидетельствовал о необходимости выделения указанных действий из государственной измены в самостоятельный состав государственных преступлений»[40].

Субъективная сторона государственной измены характеризуется виной в форме прямого умысла, при котором лицо сознает общественно опасный характер действий, указанных в диспозиции данной статьи, и желает их осуществить.

Некоторые авторы высказывали мнение о возможности совершения измены и шпионажа с косвенным умыслом[41]. Однако данная позиция не нашла отражения в практике и дальнейшего развития в теории.

Подлежит установлению и *направленность* умысла – нанести ущерб внешней безопасности России. При этом мотивы могут быть самыми разнообразными: корысть, месть, националистические побуждения и т. д. Мотивы не указаны в данной норме, однако они имеют большое значение в раскрытии механизма совершения преступления, определении степени вины и назначении наказания.

Субъектом государственной измены признается только гражданин России, достигший 16-летнего возраста. Соучастниками же преступления (кроме исполнителя) могут быть иностранные граждане и лица без гражданства.

Примечание к ст. 275 УК предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности, если:

а) лицо добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом содействовало предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации;

б) в его действиях не содержится иного состава преступления.

Данная поощрительная норма призвана показать человеку, совершившему преступление, путь к отступлению и при выполнении им указанных условий гарантировать его освобождение от уголовной ответственности.

Так, был освобожден от уголовной ответственности житель одного из уральских городов Л., являвшийся владельцем частной видеостудии. Летом 1993 г. он обратился в посольство США в Москве с предложением наладить обмен видеоинформацией, например, развлекательного характера. Посольские работники вполне благожелательно отнеслись к предложению, однако пояснили, что их больше интересуют сведения об оборонном заводе, на котором ранее работал Л., дав понять, что за это хорошо заплатят. Около года Л. встречался с американскими

---

[39] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2001. С. 572.

[40] Уголовное право России. Особенная часть. М., 1996. С. 333.

[41] См.: Курс советского уголовного права. Т. 4. М., 1970. С. 77, 87, 89.

дипломатами. Окончательно осознав, что сотрудничество с американцами заводит его в тупик, Л. сам явился в областное управление ФСБ и обо всем рассказал[42].

Б. Шпионаж (ст. 276 УК)

Шпионаж есть передача, а равно собирание, похищение или хранение в целях передачи иностранному государству, иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, а также передача или собирание по заданию иностранной разведки иных сведений для использования их в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, если эти деяния совершены иностранным гражданином или лицом без гражданства.

Общественная опасность шпионажа заключается в том, что из владения государством могут уйти важнейшие сведения, составляющие государственную тайну. Кроме того, шпионаж как преступное деяние создает условия для совершения других преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Именно поэтому предметом шпионажа могут быть, наряду с государственной тайной, иные сведения, не образующие государственной тайны.

К *иным сведениям* может относиться любая информация, не составляющая государственной тайны, которую лицо собирает по заданию иностранной разведки для использования ее в ущерб внешней безопасности: характеризующие данные (досье) на ответственных должностных лиц, пробы почвы, воды в определенной местности, снимки или схемы крупных железнодорожных узлов, транспортных развязок и т. п. Подобные сведения собираются разведками для перспективного решения вербовочных задач, совершения диверсий, разработки стратегических планов подрывной деятельности на особый период и т. д.

С *объективной стороны* шпионаж выражается в передаче, собирании, похищении или хранении с целью передачи указанным адресатам сведений, составляющих государственную тайну, либо в передаче или собирании по заданию иностранной разведки иных сведений.

Передача сведений – это сообщение их любым способом адресату (устно, письменно, через посредника, с использованием технических средств, тайников, почтовой связи, факса, Интернета и т. д.).

Собирание есть любая, кроме похищения, форма получения названных сведений для последующей их передачи указанным в законе организациям и лицам. Способы собирания могут быть самыми разнообразными (наблюдение, включая применение технических средств; общение с секретоносителями и выведывание сведений при разговорах; подслушивание бесед специалистов; несанкционированное подключение к техническим средствам связи и т. п.).

Похищение сведений как разновидность их собирания может осуществляться и тайно, и открыто. Если похищаемые сведения находятся на материальных объектах (носителях), то при наличии признаков кражи либо другой формы хищения такие действия квалифицируются по совокупности со шпионажем.

Хранение сведений означает любой способ их сбережения, обеспечивающий сохранность и неизменность информации при ее последующей передаче. Это новый признак шпионажа, включенный в УК РФ 1996 г. Если субъект действует в одиночку, то собирание сведений с целью их последующей передачи предполагает их безусловное хранение определенный период времени. Но при групповом совершении шпионажа роли могут быть распределены по цепочке: один только собирает (или похищает) информацию, содержащую государственную тайну, другой – только хранит ее с целью передачи, а третий – только передает адресатам, ука-

[42] См.: *Елизаров А.* Контрразведка. ФСБ против ведущих разведок мира. М., 1999. С. 131–132; см. также: Тайное становится явным. ЦОС ФСБ уполномочен заявить. М., 2000. С. 276–277.

занным в законе. В этом случае в действиях каждого из них налицо признаки действий исполнителей шпионажа.

Шпионаж, предметом которого является государственная тайна, может совершаться либо инициативно, либо по заданию иностранного государства. Он окончен с момента совершения указанных выше действий. Установление контакта с иностранной разведкой и получение от нее задания являются приготовлением к данному преступлению. Пресеченная попытка собрать сведения, например путем кражи, образует покушение на преступление.

Шпионаж, предметом которого являются иные сведения, образует оконченное преступление, если передача или собирание сведений осуществляются по заданию иностранной разведки. Если указанные действия совершаются инициативно, но с целью последующей передачи сведений иностранной разведке, они образуют приготовление к данному преступлению.

Субъективная сторона шпионажа характеризуется прямым умыслом, т. е. осознанием лицом общественно опасного характера совершаемых действий и желанием действовать в ущерб внешней безопасности России. Мотивы и цели могут быть различными. Как показывает практика, чаще всего проявляют себя корыстные побуждения с целью обогатиться противоправным способом. Если шпионаж осуществляется кадровым разведчиком иностранной спецслужбы, то мотивы и цели находятся в русле выполнения им служебных функций.

Субъектом (исполнителем) шпионажа может быть только иностранный гражданин либо лицо без гражданства, достигшее шестнадцати лет. Соучастниками данного преступления (организаторами, подстрекателями либо пособниками) могут выступать и граждане Российской Федерации при отсутствии в их действиях признаков государственной измены в форме оказания помощи в проведении враждебной деятельности против Российской Федерации.

Существует точка зрения, согласно которой совершение шпионажа лицом, являющимся одновременно гражданином России и гражданином другого государства, образует совокупность измены и шпионажа и должно квалифицироваться по ст. 275 и 276 УК[43].

Данная позиция представляется неубедительной по ряду соображений.

Во-первых, при такой квалификации имело бы место двойное наказание за одно и то же преступное деяние, что противоречит положению Конституции РФ (ст. 50) и УК РФ (ч. 2 ст. 6).

Во-вторых, Федеральный закон РФ от 31 мая 2002 г. «О гражданстве Российской Федерации»[44] допускает двойное гражданство – наличие у гражданина России гражданства (подданства) иностранного государства.

Приобретение гражданином России иного гражданства не влечет за собой прекращения гражданства Российской Федерации.

Более того, гражданин РФ, имеющий также иное гражданство, рассматривается Российской Федерацией только как гражданин РФ, за исключением случаев, предусмотренных международным договором Российской Федерации или федеральным законом (ст. 6 упомянутого выше Закона).

Изложенное свидетельствует, что законодатель в решении вопроса об ответственности лиц с двойным гражданством руководствуется национальным законом. Об этом свидетельствует и оценка санкций ст. 275 и 276 УК: наказание за шпионаж как форму государственной измены – более строгое (по нижнему пределу срока лишения свободы), чем за шпионаж, где субъектом выступает иностранный гражданин либо лицо без гражданства.

В-третьих, нелогичность одновременного наказания человека за совершение одних и тех же деяний по ст. 275 и 276 особенно наглядно просматривается при решении вопроса о назначении наказания. Ведь при назначении наказания по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы достигает 25 лет (ч. 3 ст. 69 УК).

---

[43] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1996. С. 496.

[44] См.: СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

На норму о шпионаже распространяет свое действие примечание к ст. 275, где сформулирована поощрительная норма об освобождении от уголовной ответственности лица, совершившего шпионские действия, но выполнившего условия, призванные предотвратить дальнейший ущерб интересам Российской Федерации.

Добровольность сообщения лицом в органы власти о совершении им шпионских акций означает, что факт сообщения последовал при осознании субъектом возможности продолжения преступления. Ошибочной представляется рекомендация признавать добровольным сообщение в органы власти, если лицу «стало известно о производстве следственных или оперативных действий… или сообщение сделано после консультации с кем-либо из должностных лиц, близких, с адвокатом и т. д.».[45]

Здесь налицо объективизация вывода о добровольности отказа. Ведь знание лицом, что против него возбуждено уголовное дело либо ведется работа контрразведкой, не говоря уже о заинтересованных «консультациях», в том числе с зарубежной спецслужбой, могут повлечь за собой не добровольный, а вынужденный отказ, т. е. вывод субъекта о невозможности продолжения преступления в этих условиях. Указанная же рекомендация дает основания вынужденный отказ представить в виде добровольного и безнаказанно прекратить продолжаемое преступление, состоящее, как правило, из серии шпионских акций.

По смыслу и букве закона *своевременность* сообщения означает, что оно способствовало предотвращению дальнейшего ущерба Российской Федерации. Именно дальнейшего, а не того, который шпион нанес уже совершенными действиями.

По мнению же А. А. Игнатьева, «своевременность означает, что сообщение сделано до того, как изменнические действия стали систематическими и причинили значительный и невосполнимый вред безопасности страны»[46]. С точки зрения интересов государства, так и должно быть. Но, к сожалению, из текста закона этого не следует.

Шпионаж нередко совершается лицами, имеющими дипломатическую неприкосновенность. И хотя это позволяет им уходить от реальной уголовной ответственности, преступные действия от этого не превращаются в правомерные. Такие лица выдворяются из России за действия, несовместимые с дипломатическим статусом.

Так, за действия, несовместимые с дипломатическим статусом (шпионаж), был выдворен из России сотрудник посольства Южной Кореи Чо Сон У. Представитель же МИД РФ Валентин Моисеев, находившийся с корейцем в преступной связи, привлечен к уголовной ответственности за государственную измену в форме шпионажа[47].

При преступном посягательстве на государственную безопасность России к лицам, пользующимся дипломатическим иммунитетом, может быть применена необходимая оборона (ст. 37 УК). Ее применение не зависит от наличия дипломатического иммунитета, возраста посягающего и его психического состояния.

В Москве при проведении тайниковой операции была задержана атташе посольства США Петерсон. При задержании у нее была обнаружена портативная радиоаппаратура. Во время официального разбирательства, проведенного в присутствии советника посольства США, контейнер, заложенный Петерсон, был вскрыт, и в нем оказались шпионские инструкции, миниатюрная радиоаппаратура, крупная сумма денег, два резервуара со смертоносным ядом и специальная инструкция по его применению. В связи с тем, что на Петерсон распространялся дипломатический иммунитет, МИД заявил посольству США решительный протест и объявил ее персоной нон-грата[48].

---

[45] Уголовный кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий. М., 1997. С. 591–592.

[46] Там же. С. 592.

[47] См.: Известия. 1998. 29 июля.

[48] См.: *Дьяков С. В.* Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. С. 34.

В. Разглашение государственной тайны (ст. 283 УК)

Статья 283 УК предусматривает ответственность за «разглашение сведений, составляющих государственную тайну, лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе, если эти сведения стали достоянием других лиц, при отсутствии признаков государственной измены».

Общественная опасность разглашения заключается в том, что сведения, содержащие государственную тайну, уходят из владения и могут быть использованы для посягательства на внешнюю безопасность и другие интересы России.

Предметом преступления выступает государственная тайна.

С объективной стороны преступление выражается в разглашении сведений, составляющих государственную тайну.

Под *разглашением* понимается такое противоправное придание огласке сведений, составляющих государственную тайну, при котором они стали достоянием посторонних лиц. Посторонним признается любое лицо, которое по характеру выполняемой работы или служебных обязанностей не имеет доступа к данным сведениям.

Объективно разглашение выражается в различных действиях, в результате которых сведения, составляющие государственную тайну, становятся известны посторонним лицам: доверительном разговоре, публичном выступлении, переписке, показе документов, демонстрации чертежей, схем, изделий, утере неучтенных тетрадей и блокнотов с выписками из документов, содержащих государственную тайну, и т. п.

Разглашение может быть совершено как *действием*, так и *бездействием* (например, бесконтрольное оставление виновным на рабочем месте документов, изделий, таблиц, схем в условиях, когда с ними могут ознакомиться посторонние лица).

Порядок сохранности государственной тайны регулируется Законом РФ от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне» (с последующими изменениями и дополнениями), Правилами отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности, Перечнем сведений, отнесенных к государственной тайне[49], а также системой подзаконных нормативных актов в виде инструкций, положений, памяток и т. п. Поэтому при расследовании фактов разглашения подлежат точному установлению характер преданных огласке сведений, а также то, какое конкретно требование действующих правил было нарушено. Степень секретности сведений устанавливается путем их сверки с действующим перечнем, а при необходимости – проведением экспертизы.

Преступление *окончено* с момента восприятия разглашаемых сведений посторонними лицами. При этом не требуется детального восприятия всей совокупности разглашаемых сведений, а достаточно общего понимания смысла предаваемой огласке информации. Если по каким-либо причинам, не зависящим от воли виновного, умышленно разглашаемые сведения не восприняты посторонними лицами, налицо покушение на преступление. Например, разглашаемые сведения не были восприняты вследствие незнания национального языка, глухоты, сильного опьянения и т. п.

Субъективная сторона разглашения сведений характеризуется только умышленной формой вины.

При прямом умысле лицо, сознавая общественно опасный характер действий, связанных с разглашением государственной тайны, предвидит, что оглашаемые сведения воспримут посторонние лица, и желает этого (например, в доверительном разговоре с родственниками и близкими людьми).

---

[49] См.: Российская газета. 1993. 21 сент.; СЗ РФ. 1997. № 41. Ст. 4673; 2003. № 27 (ч. I). Ст. 2700; 1995. № 49. Ст. 4775; 1998. № 8. Ст. 561.

Так, работая на строительстве специального объекта, техник О. разгласил в частной беседе своей знакомой девушке – студентке К. сведения о дислокации и назначении режимного объекта, желая показать свою «солидность и осведомленность».

Действуя с косвенным умыслом, субъект сознает общественно опасный характер своих действий, предвидит, что сведения, составляющие государственную тайну, могут стать достоянием посторонних лиц, и допускает факт восприятия сведений посторонними людьми. Так оценивается ведение разговоров между сослуживцами по закрытой тематике в общественном транспорте при громкости, которая допускает возможность восприятия смысла беседы другими пассажирами, громкое чтение документов или обсуждение деловых вопросов в помещениях с плохой звукоизоляцией, оставление в служебном кабинете, куда заходят посторонние лица, развешенных схем, таблиц, графиков и т. п.

Мотивами совершения разглашения чаще всего выступает бахвальство, а целью – показать постороннему (в юридическом смысле слова) свою осведомленность, компетентность, подчеркнуть «важность» и «значимость» своей персоны при решении практических вопросов. В основе мотивации могут быть и иные побудительные стимулы: «помочь» близкому человеку в выполнении научной работы, выступлении с лекцией и т. д.

Субъект при разглашении – специальный, т. е. лицо вменяемое, достигшее 16-летнего возраста, которому указанные сведения были доверены или стали известны по службе или работе.

Квалифицированным преступлением признается то же деяние (ч. 2 ст. 283 УК), если оно повлекло по неосторожности тяжкие последствия.

Тяжкими последствиями при разглашении признаются: переход сведений в руки иностранных разведок, срыв вследствие разглашения важных государственных мероприятий, «замораживание» перспективных научных исследований, передислокация режимного объекта и т. п. По отношению к наступлению тяжких последствий вина может быть только в форме неосторожности, о чем указано в самой норме.

Разглашение государственной тайны, повлекшее по неосторожности тяжкие последствия, совершил сотрудник одного из проектно-конструкторских объединений И., который сообщил своему знакомому Е., гражданину дружественного государства, совершенно секретные сведения о проектировавшемся на его предприятии новейшем атомном крейсере. Как потом выяснилось, Е. полученные от И. сведения передал представителям разведки ФРГ. Российский гражданин И. знал, что Е. поддерживал связи с гражданами стран НАТО, предвидел возможность передачи в эти государства Е. сообщенных ему сведений, но самонадеянно рассчитывал, что Е. выполнит данные ему обещание не передавать полученную от И. информацию[50].

От государственной измены умышленное разглашение сведений, составляющих государственную тайну, отличается направленностью умысла, т. е. мотивами и целями содеянного.

Г. Утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284 УК)

Статья 284 УК предусматривает ответственность за «нарушение лицом, имеющим допуск к государственной тайне, установленных правил обращения с содержащими государственную тайну документами, а равно с предметами, сведения о которых составляют государственную тайну, если это повлекло по неосторожности их утрату и наступление тяжких последствий».

[50] См.: Государственная тайна и ее защита в Российской Федерации. СПб., 2005. С. 313–314.

Под *утратой* документов, содержащих государственную тайну, а равно предметов, сведения о которых составляют государственную тайну, понимается такой противоправный выход их из владения данного лица, вследствие которого наступили тяжкие последствия.

К *документам* относятся текстовые и графические материалы, исполненные типографским, машинописным способом или от руки (чертежи, планы, топографические карты, приказы, директивы, ведомости, акты, обзоры и т. п.), в которых содержатся сведения, составляющие государственную тайну. Документ – это акт, имеющий реквизиты: гриф секретности, регистрационный номер органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации, осуществивших засекречивание, особый порядок хранения, перемещения, выдачи и работы.

Предметы, сведения о которых образуют государственную тайну, – это различные материалы и изделия, несущие в себе информацию указанного вида. К ним относятся: закрытые образцы техники и вооружения, шифры, коды, негативы, фотоснимки и т. п.

С *объективной стороны* преступление включает в себя совокупность трех признаков:

а) деяние, связанное с нарушением установленных правил обращения с документами (предметами);

б) выход документов из владения данным лицом, вследствие чего наступили тяжкие последствия;

в) причинную связь между деянием и наступившими последствиями.

Правила обращения с документами регламентируются законами и подзаконными актами (инструкциями, положениями, наставлениями). *Нарушение правил* выражается: в работе с документом в неустановленном месте (например, дома), неопечатывании сейфа, нарушении правил передачи его другим лицам и т. д.

Документ считается *вышедшим из владения (утраченным)*, если его нет ни в месте постоянного хранения, ни у конкретного исполнителя, которому он был выдан.

Между фактом нарушения правил обращения с документом (предметом), содержащим государственную тайну, его выходом из владения и наступлением тяжких последствий должна быть непосредственная причинная связь. Если документ хотя и утрачен, но факт его выхода из владения и наступление тяжких последствий не находятся в причинной связи с имевшим место нарушением правил обращения с ним, то состав преступления отсутствует.

Как показывают материалы практики, нарушения чаще всего связаны с тем, что лицо работает с документами в неустановленном для этого месте, в ненадлежащее время, не соблюдает правила и порядок их хранения, пересылки, передачи из рук в руки, уничтожения, процедуру ознакомления с ними широкого круга лиц и т. п.

Например, Ч., находясь в служебной командировке в другом городе, в нарушение действующих правил носил по городу в сумке находящиеся при нем 12 совершенно секретных документов. Зайдя в телефонную будку, чтобы позвонить, Ч. оставил там сумку вместе с документами. Документы были найдены только на следующий день, в другом месте города, что привело к ознакомлению с ними посторонних лиц и наступлению тяжких последствий.

Понятие *тяжкого вреда* давалось в комментарии к ст. 283 УК. Если тяжкие последствия при утрате не наступили, то состав преступления отсутствует. Виновный должен нести административную или дисциплинарную ответственность.

Субъективная сторона характеризуется неосторожной формой вины. Вместе с тем по отношению к факту нарушения правил обращения с документами вина может быть в форме и умысла, и неосторожности. По отношению же к наступившим последствиям вина может быть только неосторожной (в виде легкомыслия или небрежности).

При расследовании утрат документов нередко вскрываются нездоровые либо откровенно конфликтные отношения в коллективе, которые создают своеобразный психологический и эмоциональный фон субъективной стороне совершенного преступления. На почве неприяз-

ненных отношений имеют место факты уничтожения документов с целью вызвать отрицательные последствия для должностного лица, ответственного за них. В этих случаях лицо, уничтожившее документ, подлежит уголовной ответственности по ст. 325 УК. Должностное лицо, нарушившее правила обращения с документами, несет дисциплинарную ответственность, если уничтожение документа не повлекло ознакомления с ним посторонних лиц и наступления тяжких последствий.

Так, у начальника райотдела милиции С. исчез совершенно секретный приказ, относящийся к оперативно-розыскной деятельности. Предварительным следствием было установлено, что документ был похищен из сейфа С. его подчиненным Г., который решил таким образом отомстить С. за то, что тот объявил ему выговор за пьянство. Приказ Г. был уничтожен. В связи с этим Г. был привлечен к уголовной ответственности за похищение и уничтожение официального документа (ст. 325 УК)[51].

Если документ утратил кто-либо из подчиненных должностного лица, но утрата явилась следствием небрежного или недобросовестного выполнения должностным лицом своих обязанностей по организации и контролю за режимом работы с документами, содержащими государственную тайну, и это повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства, то такое должностное лицо несет ответственность за халатность (ст. 293 УК).

Субъектом данного преступления может быть только лицо, имеющее допуск к государственной тайне (ст. 21 Закона РФ от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне»). Это – новелла в новом УК. Однозначно оценить ее трудно.

С одной стороны, наличие допуска свидетельствует, что ответственность несет человек, знающий все особенности работы с документами подобного рода, давший подписку о неразглашении сведений, соблюдении правил обращения с подобными документами (предметами).

С другой стороны, существует целая категория граждан, которые могут иметь доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, при отсутствии у них допуска (депутаты, адвокаты и т. д.).

Наконец, существуют три формы допуска, соответствующие трем степеням секретности сведений, составляющих государственную тайну, – сведениям особой важности, совершенно секретным и секретным. «Наличие у должностных лиц и граждан допуска к сведениям более высокой степени секретности является основанием для доступа их к сведениям более низкой степени секретности» (ст. 21 Закона РФ «О государственной тайне»). Но как быть в тех случаях, когда лицо, имея допуск к сведениям, например секретного характера, получает по каким-либо причинам доступ к документу со сведениями более высокой степени секретности и утрачивает его? Подобные вопросы, очевидно, потребуют практического решения, вплоть до изменения нормы в УК.

§ 4. Преступления, посягающие на внутреннюю безопасность

А. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК)

В ст. 277 УК РФ 1996 г. установлена уголовная ответственность за «посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность».

[51] См.: Там же. С. 318.

Посягательством на жизнь государственного или общественного деятеля уголовный закон рассматривает деяние, посягающее на политическую систему России, а также жизнь и здоровье потерпевших. Они и выступают *непосредственным объектом* преступления.

Потерпевшими от рассматриваемого преступления могут выступать только государственные или общественные деятели, т. е. лица, проявившие себя в какой-либо области общественной или государственной деятельности[52].

К *государственным деятелям* относятся руководители и ответственные работники высших и местных органов власти и управления, депутаты всех уровней, руководители министерств и ведомств, главы администраций республик и областей, ответственные работники администрации Президента РФ, аппарата правительственных структур и т. п., которые последовательно и активно осуществляют свои государственные и политические функции.

К *общественным деятелям* принадлежат лица, активно участвующие в работе общественных объединений, партий, независимо от их должностного положения.

Посягательства на близких родственников и членов семьи указанных лиц не образуют террористического акта и квалифицируются по соответствующим статьям УК как преступления против личности.

С *объективной стороны* преступление выражается в посягательстве на жизнь соответствующих категорий потерпевших.

Посягательство на жизнь означает совершение действий, непосредственно направленных на убийство государственного либо общественного деятеля независимо от того, увенчались они успехом или нет. Здесь законодатель, с учетом исключительной опасности действий террориста, момент окончания преступления перенес на стадию покушения («усеченный состав»). Фактическое наступление смерти или покушение на жизнь указанных лиц охватываются признаками данного состава преступления и не требуют дополнительной квалификации по статьям об убийстве (ст. 105 УК) либо умышленном причинении вреда здоровью (ст. 111, 112 УК).

Фактическими последствиями посягательства могут быть: наступление смерти, причинение вреда здоровью различной тяжести. Возможно и полное отсутствие вреда здоровью, когда покушение не реализовалось в указанных последствиях (например, террорист стрелял, но промахнулся). Не влияя на квалификацию (во всех этих случаях на лицо признаки оконченного теракта), наличие или отсутствие вредных последствий учитывается при оценке степени вины субъекта и вынесении ему меры наказания.

Если в процессе совершения террористического акта было использовано незаконно приобретенное либо хранящееся оружие, взрывчатые вещества и взрывные устройства, то действия виновного подлежат квалификации по совокупности со ст. 222 УК РФ.

Субъективная сторона преступления предполагает вину в форме прямого умысла, когда субъект сознает общественно опасный характер посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля и желает его совершить. Обязательными признаками субъективной стороны при этом является наличие либо *цели* – прекратить государственную или иную политическую деятельность потерпевшего, либо *мотива* – мести за такую деятельность. Следовательно, террористический акт выступает «ответной мерой» за ту активную государственную и политическую деятельность, которую проводит потерпевший, либо местью за ее осуществление.

Субъектом террористического акта может быть гражданин России, иностранный гражданин, либо лицо без гражданства, достигшие 16-летнего возраста.

---

[52] См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1987. С. 140.

Б. Насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК)

Насильственный захват власти или насильственное удержание власти суть действия, направленные на насильственный захват или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Российской Федерации, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации.

Данное преступление посягает на те основы конституционного строя России, где закреплены принципы, порядок формирования и функционирования государственной власти. Конституция гласит, что «единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» (ч. 1, 2 ст. 3 Конституции РФ). Высшим выражением власти признаются референдум и свободные выборы (ч. 3 ст. 3).

Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент России, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации. Государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти (ч. 1, 2 ст. 11 Конституции РФ).

Любой путь неконституционного прихода к власти и ее удержания является противоправным. «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону» (ч. 4 ст. 3 Конституции РФ).

При насильственном захвате или насильственном удержании власти *непосредственным объектом* преступления выступают интересы народа как главного источника власти, а также законные права и интересы указанных выше физических и юридических лиц, осуществляющих властные полномочия.

Объективная сторона преступления выражается в трех видах действий, направленных на:

а) насильственный захват власти;

б) насильственное удержание власти;

в) насильственное изменение конституционного строя.

Действия, направленные на насильственный захват власти, могут выражаться либо в физическом устранении лиц, осуществляющих законно властные полномочия, либо в их принудительной изоляции и самопровозглашении на их месте тех, кто осуществляет противоправные действия.

Действия могут носить локальный характер, связанный с захватом позиций одной из ветвей власти (законодательной, исполнительной или судебной), либо широкомасштабный, направленный на всех субъектов власти. Они могут относиться к деятельности центральных органов власти либо к органам власти субъектов Федерации.

Насильственные действия по захвату власти могут выражаться в нанесении лицу вреда здоровью различной тяжести, что охватывается признаками данного состава преступления. Если же насильственный захват сопряжен с лишением жизни, то действия виновного следует, в зависимости от мотивов и целей, квалифицировать либо как террористический акт (ст. 277 УК), либо как умышленное убийство (ст. 105 УК).

Захват власти может сопровождаться прямым блокированием работы представительных и иных органов власти (изоляция депутатов, недопущение их входа в рабочие помещения, угроза физической расправы, предъявление ультиматума и т. п.).

Преступление признается оконченным с момента совершения действий, направленных на насильственный захват власти, независимо от того, привели или не привели они к фактическому ее обладанию.

Если захват власти осуществляется преступным сообществом, то действия виновных квалифицируются по совокупности со ст. 210 УК.

Как реальная совокупность со ст. 212 УК квалифицируются действия субъектов, если в процессе захвата власти они явились организаторами массовых беспорядков, либо со ст. 279 УК, если они выступили организаторами вооруженного мятежа.

Действия, направленные на насильственное удержание власти, выражаются в недопущении функционирования конституционной системы власти, т. е. власть удерживают либо те лица, срок полномочий которых истек, либо те, кто ее до этого незаконно захватил. Факт насильственного удержания власти означает, что субъекты законной власти лишены возможности осуществлять свои функции, а те, кто ее незаконно захватил, контролируют принятие и исполнение своих решений насильственными методами и средствами. Характер насильственных действий и вариантов квалификации их по совокупности с другими составами преступлений здесь аналогичен предыдущему виду преступления.

Действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя , образуют следующий этап противоправного посягательства, когда после захвата или незаконного удержания власти формируется новая система государственной власти и меняется конституционный строй. Изменение конституционного строя выражается в изменении структуры государственной власти, упразднении одних институтов власти (например, отмена поста президента) и введении новых, сужении демократических начал государственного управления и принятии насильственным путем новой «конституции» с существенными деформациями прав и свобод личности и т. п.

С субъективной стороны преступление совершается с прямым умыслом, т. е. виновный сознает общественную опасность действий, направленных на насильственный захват или удержание власти, а равно на насильственное изменение конституционного строя России, и желает совершения этих действий.

Мотивами могут выступать побуждения, основанные на идейном неприятии либо прямой ненависти к существующему конституционному строю. Если указанные действия, например по корыстным мотивам, совершает гражданин России по заданию иностранного государства, иностранной организации или их представителей, то они квалифицируются по совокупности с государственной изменой (ст. 275 УК). Однако обязательным признаком субъективной стороны анализируемого преступления является лишь наличие мотива мести за соответствующую деятельность потерпевшего.

Цель как конститутивный признак данного преступления логически связана с направленностью совершаемых лицом действий – насильственно захватить или удержать власть либо изменить конституционный строй Российской Федерации – и сводится к стремлению прекратить государственную или иную политическую деятельность потерпевшего.

Субъектом преступления может быть гражданин России, иностранный гражданин или лицо без гражданства, достигшие возраста шестнадцати лет.

На данное преступление распространяется действие поощрительной нормы, сформулированной в примечании к ст. 275 УК.

B. Вооруженный мятеж (ст. 279 УК)

В анализируемой норме установлена ответственность за организацию вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения кон-

ституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации.

Объектом преступления являются основы конституционного строя, а также территориальная целостность России. Насильственные действия в ходе вооруженного мятежа ставят под угрозу также жизнь и здоровье граждан.

С *объективной стороны* преступление выражается в двух видах деяний:

а) организации вооруженного мятежа;

б) активном участии в нем.

Организация вооруженного мятежа означает деятельность организатора по объединению усилий значительного числа вооруженных лиц к выступлению против конституционных органов власти. Масштабы вооруженного мятежа могут быть различными и зависеть от множества факторов (региональных, ориентированных на определенную категорию лиц по профессии, социальному положению, национальному или этническому составу и т. д.).

Действия организатора выражаются в разработке плана вооруженного выступления против властей, подготовке программных документов, призванных объединить людей, создании организационных структур для вооруженных действий и вовлечения (вербовки) в них граждан, руководстве вооруженным контингентом в ходе осуществления плана по свержению или насильственному изменению конституционного строя России либо отторжению части территории Российской Федерации и т. д.

Вооруженность означает, что значительное число лиц, совершающих противоправные действия, имеет оружие и реальную возможность его применения. Понятие оружия дается в Федеральном законе от 13 декабря 1996 г. «Об оружии».[53] Напомним, что, согласно ст. 1 названного Закона, под оружием понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. Под огнестрельным оружием понимается оружие, конструктивно предназначенное для механического поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда.

Действия организатора признаются оконченным преступлением с момента совершения указанных практических действий, независимо от того, воплотились они в фактическом вооруженном выступлении против законных органов власти или оказались по каким-то причинам сорванными (не удалось объединить людей, деятельность пресекли правоохранительные органы и т. д.).

Активное участие в вооруженном мятеже выражается в действиях по свержению или насильственному изменению конституционного строя либо нарушению территориальной целостности Российской Федерации. Это может проявляться в самопровозглашении отдельной территории России независимым государством, вооруженном захвате власти, применении репрессий к должностным лицам законно образованных органов власти, неподчинении требованиям федеральных властей, вооруженном сопротивлении федеральным воинским контингентам, призванным восстановить конституционный порядок, и т. д.

С *субъективной стороны* преступление совершается с прямым умыслом. Организатор и активный участник вооруженного мятежа сознают общественно опасный характер своих действий и желают их совершения. Обязательным признаком субъективной стороны данного преступления является наличие *целей* свержения или насильственного изменения конституционного строя либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации.

Если вооруженный мятеж завершился фактическим насильственным захватом власти, то налицо реальная совокупность преступлений, предусмотренных ст. 279 и 278 УК.

---

[53] См.: СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

В вооруженный мятеж могут перерасти массовые беспорядки (ст. 212 УК). В этом случае также налицо реальная совокупность двух преступлений. Отличие между ними следует проводить по всем элементам состава преступления. Объект вооруженного мятежа – политическая система и территориальная целостность Российской Федерации. Массовые беспорядки посягают на общественную безопасность. Вооруженный мятеж – это организованное выступление против конституционных органов власти. Массовые же беспорядки, как правило, локальны и характеризуются стихийностью, спонтанностью развития событий.

Если вооруженному мятежу предшествовало создание незаконного вооруженного формирования, которое затем влилось в ряды мятежников, действия виновных квалифицируются по совокупности ст. 279 и 208 УК.

Субъектами вооруженного мятежа могут быть только его организаторы и активные участники в возрасте не менее шестнадцати лет. Пассивные члены вооруженного формирования, не принимавшие непосредственного участия в акциях по свержению или насильственному изменению конституционного строя, не являются субъектами данного преступления и могут нести ответственность лишь за те действия, которые содержат признаки других составов преступлений (например, участие в незаконном вооруженном формировании – ст. 208 УК, незаконное хранение оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств – ст. 222 УК и т. д.).

Г. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК)

Непосредственным объектом преступления выступают отношения, связанные с конституционным запретом экстремистской деятельности.

Объективную сторону преступления образуют призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

Экстремистской деятельностью (экстремизмом) признаются:

а) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:

– насильственное изменение конституционного строя и нарушение целостности РФ;

– подрыв безопасности РФ;

– захват или присвоение властных полномочий;

– создание незаконных вооруженных формирований;

– осуществление террористической деятельности;

– возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;

– унижение национального достоинства;

– осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;

– пропаганда вседозволенности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

б) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

в) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

г) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществле-

ния указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств (ст. 1 Федерального закона от 27 июня 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности»)[54].

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. этот перечень был дополнен. Экстремистской деятельностью, в частности, стали признаваться:

1) воспрепятствование законной деятельности органов государственной власти, избирательных комиссий, а также законной деятельности должностных лиц указанных органов, комиссий, соединенное с насилием или угрозой его применения;

2) применение насилия в отношении представителя государственной власти или его близких в связи с использованием им своих должностных обязанностей;

3) публичная клевета в отношении лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта РФ, при использовании им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, соединенная с обвинением указанного лица в совершении деяний, предусмотренных ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», при условии, что факт клеветы установлен в судебном порядке[55].

Как совершенно справедливо заметил по этому поводу А. Г. Хлебушкин, упомянутые деяния не несут обязательной непосредственной угрозы основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений, вследствие чего их отнесение к экстремизму нельзя признать правильным. По сути, они являются не чем иным, как традиционными преступлениями против чести и достоинства личности, порядка управления (а в части, касающейся нарушения законной деятельности избирательных комиссий, – преступлениями против избирательных прав граждан). Такое излишне расширительное законодательное решение превращает экстремизм в некое аморфное явление с чрезмерно размытыми юридическими границами[56].

Экстремизм представляет собой склонность к политическому насилию, а также осуществление политики, направленной на насильственное изменение существующего государственного строя или на захват власти, установление фашизма или иной диктаторской формы правления. К проявлениям экстремизма могут быть отнесены призывы к систематическим нарушениям прав человека, дискриминации людей по шовинистическому, национальному, расовому или религиозному признаку[57].

Призывы – это такая форма воздействия на сознание, волю и поведение людей, когда путем непосредственного обращения к ним формируются побуждения к определенному виду деятельности. В данном случае призывы субъекта имеют конкретную цель – объединить граждан, активизировать их волю и направить поведение в русло прямого осуществления экстремистской деятельности в любой ее форме.

Призывы субъекта при этом носят общий характер, т. е. не обращены персонально к кому-либо, в них нет конкретного указания на место, время и способ совершения преступления. Этим они отличаются от подстрекательства к конкретному преступлению.

Публичность означает, что призывы носят открытый, доступный для понимания характер и обращены к широкому кругу людей. Арифметический подход в оценке признания (или непризнания) публичности неприемлем. В каждом конкретном случае вопрос решается с учетом всех обстоятельств дела: места, времени, обстановки содеянного. Вряд ли обоснован-

---

[54] См.: СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

[55] См.: Российская газета. 2006. 27 июля.

[56] См.: *Хлебушкин А. Г.* Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации. Авто реф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 13–14.

[57] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2006.С. 710–711.

ная позиция о признании публичности, когда призывы воспринимаются несколькими лицами – «от двух и более»[58].

Преступление *окончено* с момента осуществления публичных призывов указанного содержания, независимо от того, достигли они своей цели воздействия на граждан или нет. Форма призывов может быть разнообразной: устной, письменной, с использованием технических средств (громкоговорителей, микрофонов и т. п.), если они не выступают атрибутом средств массовой информации.

Квалифицированный вид данного преступления (ч. 2 ст. 280 УК) предусматривает повышенную ответственность за совершение публичных призывов с использованием средств массовой информации (радио, телевидение, пресса).

С *субъективной стороны* преступление совершается с прямым умыслом, т. е. виновный сознает общественно опасный характер действий, связанных с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности, и желает действовать таким образом.

Мотивы могут быть различными: месть, корысть, идейное невосприятие конституционного строя и т. д. Не влияя на квалификацию, они учитываются при оценке общественной опасности содеянного и вынесении меры наказания.

Цель преступления – побудить граждан к осуществлению экстремистских действий.

Субъектом преступления может быть гражданин России, иностранный гражданин или лицо без гражданства, достигшие 16-летнего возраста.

Если действия, указанные в данной норме, совершаются гражданином России по заданию иностранного государства, иностранной организации или их представителей, то содеянное квалифицируется по совокупности с государственной изменой (ст. 275 УК).

Д. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК)

Анализируемая норма устанавливает ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации.

Конституция РФ (ст. 19) провозглашает принцип равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

«Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» (ч. 2 ст. 29 Конституции РФ).

Непосредственным объектом преступления выступают отношения, связанные с конституционным запретом действий, направленных на возбуждение ненависти или вражды, на унижение человеческого достоинства по этническим, гендерным, религиозным или социальным признакам.

Объективная сторона преступления включает в себя два вида деяний:

а) действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды;

б) действия, направленные на унижение достоинства человека либо группы лиц.

[58] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1994. С. 130.

Указанные деяния тесно связаны между собой и в конкретных обстоятельствах их квалифицирующие признаки выступают, как правило, в комплексном виде.

Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, выражаются в распространении различных идей и взглядов, которые подрывают доверие и уважение к определенной национальности, расе, социальной группе либо религиозному вероисповеданию, вызывают неприязнь или чувство ненависти к образу жизни, культуре, традициям, религиозным обрядам граждан данной национальности, расы, какой-либо социальной группы и т. п.

Распространение указанных идей и взглядов может выступать в виде агитации и пропаганды, выражаться в устной, письменной либо наглядно-демонстрационной форме. При этом идеи и взгляды носят общий характер и не обращены к конкретной личности. Для квалификации не имеет значения, соответствуют или не соответствуют действительности приписываемые той или иной нации или расе особенности, черты. Главный смысл деяния здесь – посеять между людьми разных национальностей, рас, религиозных конфессий взаимное недоверие, развить на основе тенденциозных, оскорбительных либо клеветнических суждений взаимное отчуждение, подозрительность, переходящие в устойчивую враждебность.

Указанные действия могут также выражаться в форме насилия, угроз его применения, призывов к депортации, уничтожения или повреждения культурных сооружений, памятников, воспрепятствования проведению национальных праздников, религиозных обрядов и т. п.

Действия, направленные на унижение достоинства человека или группы лиц, имеют локальную цель – унизить, оскорбить, т. е. показать ущербность, неполноценность, неприглядность, ограниченность людей конкретной национальности, расы или социальной группы либо отдельного гражданина. Такие действия могут проявляться самостоятельно либо выступать составным элементом предшествующих деяний по разжиганию национальной ненависти или вражды.

С другой стороны, эти действия могут выражаться в пропаганде исключительности и превосходства отдельных граждан или групп по признакам их пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе. В этом случае унижение человеческого достоинства потерпевшего происходит за счет культивирования комплекса его заурядности на фоне идеальных, эталонных образцов.

Обязательным признаком объективной стороны преступления является его совершение публично либо с использованием средств массовой информации. Понятия *публичности* и *использования средств массовой информации* аналогичны тем, что уже раскрыты нами при анализе ст. 280 УК.

Преступление *окончено* с момента совершения указанных деяний (формальный состав). В силу особенностей объекта данного преступления оно не поглощает составы таких преступлений против чести и достоинства личности, как клевета и оскорбление (ст. 129, 130 УК).

Квалифицированными видами рассматриваемого преступления является его совершение:

а) с применением насилия или с угрозой его применения;

б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) организованной группой.

Применение насилия или угроза его применения охватывает все виды причинения вреда здоровью, за исключением случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК), которые квалифицируются по совокупности с рассматриваемым преступлением.

Угроза имеет квалифицирующее значение, если имелись основания опасаться ее осуществления (ст. 119 УК).

Использование служебного положения при совершении данного преступления означает, что между фактом имеющихся возможностей, обусловленных служебным положением (власт-

ные функции, наличие технических средств и т. п.), и фактом возбуждения национальной, расовой или религиозной вражды имеется причинная связь.

Понятие *организованной группы* дается в ст. 35 УК.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла. Мотивы чаще всего носят националистическую окраску. Цели вытекают из направленности рассматриваемых действий – разжечь национальную, расовую или религиозную вражду; унизить национальное достоинство; показать превосходство либо неполноценность граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности.

Субъектом может быть любое вменяемое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет; по п. «б» ч. 2 – занимающее служебное положение.

Е. Организация экстремистского сообщества (ст. 282[1] УК)

Общественная опасность рассматриваемого преступления заключается в том, что оно направлено на нарушение конституционного запрета экстремистской деятельности, дестабилизирует общественную безопасность, общественный порядок, способно спровоцировать политическую, социальную нестабильность в обществе[59].

Непосредственный объект преступления – отношения, связанные с конституционным запретом осуществлять экстремистскую деятельность.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282[1] УК, включает в себя следующие виды действий: а) создание экстремистского сообщества; б) руководство этим сообществом, его частью или его структурным подразделением; в) создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества.

Экстремистское сообщество – это организованная группа лиц, созданная для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности. Федеральным законом от 24 июля 2007 г. в примечании к ст. 282[1] УК дана новая трактовка понятия преступлений данной категории. Под преступлениями экстремистской направленности в УК РФ понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Экстремистское сообщество (как разновидность преступной организации или преступного сообщества) должно представлять собой устойчивую, сплоченную организованную группу лиц, созданную для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности по указанным в законе мотивам.

Создание экстремистского сообщества предполагает осуществление организационной деятельности, результатом которой становится возникновение объединения, предназначенного для подготовки и совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности по предусмотренным законом мотивам (разработка устава, программных документов, вербовка участников, оформление их членства и т. д.).

Руководство экстремистским сообществом означает осуществление функций руководителя (главаря, вожака) уже созданной организации. К такого рода действиям относятся: разработка планов совершения отдельных преступлений, распределение ролей между участниками сообщества, контроль за поддержанием дисциплины, подготовка и проведение экстремистских акций и т. п.

---

[59] См.: Уголовный закон в практике районного суда. М., 2007. С. 859.

Под руководством частью сообщества или его структурным подразделением понимается осуществление ограниченных руководящих полномочий, предоставленных виновному главарем (либо коллегиальным руководящим органом) экстремистского сообщества, в отношении части преступного сообщества (его территориальной или функциональной автономии) или в отношении отдельных структурных единиц (отряда, бригады, звена и т. д.)[60]. Части и структурные подразделения должны входить в общую систему экстремистского сообщества и подчиняться единому руководству.

Создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества представляет собой формирование некоего штаба, коллегиального органа, предназначенного для координации действий представителей частей и структурных подразделений не разных, а одного и того же экстремистского сообщества.

Состав анализируемого преступления – *формальный*. Оконченным оно будет признаваться (в зависимости от особенностей конкретных действий виновного) либо с момента фактического создания экстремистского сообщества (или объединения представителей его частей и структурных подразделений), либо с момента реального осуществления виновным тех или иных руководящих функций. Совершение экстремистским сообществом подготовленных им преступлений экстремистской направленности лежит за рамками анализируемого состава преступления и требует дополнительной квалификации по соответствующим статьям УК.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Виновный сознает общественно опасный характер создания экстремистского сообщества, объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества, руководства ими и желает совершить указанные действия.

Обязательным признаком субъективной стороны преступления в форме создания и руководства экстремистским сообществом является *цель – подготовка или совершение преступлений экстремистской направленности.*

Применительно к преступлению в форме создания объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества законодатель указанную цель конкретизирует: *разработка планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности.*

Обязательным признаком субъективной стороны преступления являются также *мотивы* политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды или мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Субъект преступления – специальный. Им может быть: а) лицо, создавшее экстремистское сообщество; б) лицо, создавшее объединение организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества; в) руководитель экстремистского сообщества; г) руководитель частей или структурного подразделения такого сообщества.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282^1 УК, состоит в участии в экстремистском сообществе.

Участие означает вхождение в состав такого сообщества, выполнение функций ее члена, осуществление конкретных экстремистских акций. *Оконченным* преступление будет признаваться с момента фактического вступления лица в экстремистское сообщество вне зависимости от того, оформлено соответствующим образом членство в нем или нет. Совершение таким лицом преступлений экстремистской направленности, а равно участие в них признаками ч. 2 ст. 282^1 УК не охватываются и требуют дополнительной квалификации.

[60] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2006.С. 507–508.

Субъект преступления – достигший 16-летнего возраста рядовой участник экстремистского сообщества.

Квалифицированным видом преступлений, предусмотренных ч.1, 2 ст. 282^1 УК, является их совершение лицом с использованием своего служебного положения. Речь идет об его использовании как должностным лицом или лицом, осуществляющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, так и иными лицами, злоупотребляющими своим служебным положением.

Примечание к ст. 282^1 УК содержит институт деятельного раскаяния. Лицо освобождается от уголовной ответственности, если, во-первых, добровольно (т. е. невынужденно) прекратило свое участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, а во-вторых, в его действиях нет состава какого-либо иного преступления.

Ж. Организация деятельности экстремистской организации (ст. 282^2 УК)

Конституцией РФ гарантируется возможность создания общественного или религиозного объединения либо любой иной организации, чья деятельность не противоречит действующему законодательству и не посягает на интересы личности, общества, государства. Вместе с тем в целях защиты тех же самых интересов государство устанавливает запрет на создание и деятельность экстремистских и некоторых других организаций.

Непосредственный объект преступления – отношения, возникающие в результате нарушения запрета на осуществление экстремистской деятельности.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282^2 УК, выражается в организации деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Экстремистской организацией признается общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с тем, что такая деятельность носит экстремистский характер.

В соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности»[61] *основаниями* для ликвидации или запрета деятельности упомянутых организаций могут служить: нарушение ими прав и свобод человека и гражданина; неоднократные или грубые нарушения Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов или иных нормативных актов либо систематическое осуществление объединением деятельности, свидетельствующей о наличии в ней признаков экстремизма.

При наличии указанных оснований общественное или религиозное объединение либо иная организация письменно предупреждаются о недопустимости деятельности, носящей признаки экстремизма. Если после такого предупреждения соответствующей организацией или хотя бы одним ее структурным подразделением не устранены нарушения, послужившие основанием для вынесения предупреждения, либо в течение 12 месяцев со дня вынесения предупреждения выявлены новые факты, свидетельствующие о наличии в их деятельности признаков экстремизма, организация, являющаяся юридическим лицом, по решению суда

[61] См.: СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

ликвидируется, а деятельность организации, не являющейся юридическим лицом, *подлежит запрету*.

Объективную сторону рассматриваемого преступления составляет организация дальнейшей деятельности экстремистского формирования после его ликвидации либо запрета его деятельности.

Таким образом, для установления объективной стороны преступления необходимо наличие двух моментов: формального и материального.

Формальным моментом будет служить вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности конкретной организации в связи с осуществлением ею экстремистской деятельности. Материальным признаком должна выступать организационная деятельность виновного лица, направленная на обеспечение продолжения функционирования ликвидированной организации либо запрещенной экстремистской деятельности.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282^2 УК, заключается в участии в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

По смыслу закона *участие* в такого рода деятельности ничем не отличается от трактовки этого понятия применительно к организации экстремистского сообщества (ч. 2 ст. 282^1 УК).

Преступление будет считаться *оконченным* либо с момента совершения любого действия организационного характера, направленного на продолжение деятельности ликвидированной организации или запрещенной экстремистской деятельности, либо с момента вступления в такую организацию и выполнения любого поручения со стороны ее руководства в рамках осуществляемой организацией экстремистской деятельности.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом.

Субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282^2 УК, – лицо, организующее деятельность ликвидированной экстремистской организации или организации, чья экстремистская деятельность запрещена. Им могут быть создатель или руководитель такой организации.

Субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282^2 УК, являются рядовые участники указанных объединений или организаций.

Анализируемое преступление необходимо отграничивать от деяния, предусмотренного ст. 282^2 УК. В упомянутой норме речь идет о сообществе, которое создается для совершения преступлений, перечисленных в диспозиции ст. 282^2 УК. Поскольку эта деятельность признана преступной в других нормах УК, то ответственность наступает независимо от того, была ли организация предварительно ликвидирована, или ее деятельность запрещена судом. В ст. 282^2 УК нет такого указания, т. е. организация может создаваться для совершения хотя и экстремистских действий, но не представляющих собой самостоятельного преступления (например, для пропаганды и публичного демонстрирования нацистской символики и атрибутики). В этих случаях условиями уголовной ответственности являются вступившие в законную силу решение суда о ликвидации или запрете и, несмотря на это, продолжение экстремистской деятельности в виде ее организации или участия в ней[62].

Поскольку комментируемое преступление есть в известном смысле неисполнение решения суда, то ст. 282^2 УК следует рассматривать как специальную норму по отношению к ст. 315 УК. В таких случаях применению всегда подлежит специальная норма, квалификация по совокупности преступлений исключается.

[62] См.: Уголовное право России. Часть Особенная. М., 2004. С. 662.

Примечание к ст. 282^2 УК предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности лица, добровольно прекратившего участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, при условии, что в его действиях не содержится иного состава преступления.

Примечание распространяется только на *участников* экстремистских организаций. К *организаторам* таких формирований оно применено быть не может.

§ 5. Преступление, посягающее на экономическую безопасность

А. Диверсия (ст. 281 УК)

Диверсия представляет повышенную общественную опасность, поскольку посягательство на экономическую безопасность и обороноспособность России осуществляется общеопасным способом, что ставит под угрозу также жизнь и здоровье граждан.

Предметом преступления выступают предприятия (заводы, фабрики), сооружения (мосты, плотины, туннели, электростанции), пути и средства сообщения, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, средства связи, объекты жизнеобеспечения населения (системы водоснабжения, продуктопроводы, склады с продовольствием и горюче-смазочными материалами) и т. д.

С объективной стороны диверсия выражается в совершении взрыва, поджога или иных действий (обвалов, затоплений, камнепадов, аварий, катастроф и т. п.). Указанные общеопасные действия направлены на разрушение или повреждение указанных предприятий, сооружений и т. д., относящихся к предмету преступления.

Разрушение указанных предметов означает приведение их в полную негодность, когда они не могут подлежать восстановлению либо их восстановление становится экономически невыгодным.

Повреждение – это приведение предметов в частичную негодность, когда их восстановление возможно и экономически целесообразно.

Диверсия признается *оконченным* преступлением с момента совершения взрывов, поджогов и иных подобных действий независимо от того, наступили указанные в законе последствия или нет. Наступивший материальный ущерб учитывается, но влияет не на квалификацию содеянного, а на установление степени вины и назначение наказания.

Квалифицирующим обстоятельством при диверсии (ч. 2 ст. 281 УК) выступает ее совершение *организованной группой*, т. е. устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких диверсионных актов.

С *субъективной стороны* диверсия совершается с прямым умыслом, т. е. лицо сознает общественно опасный характер действий, связанных с совершением взрыва, поджога или иного действия, направленного на разрушение или повреждение указанных материальных объектов, и желает совершить эти действия и причинить последствия, к которым они приведут. Если умыслом виновного охватывается неизбежность при этом гибели людей, то содеянное квалифицируется по совокупности с умышленным убийством.

Мотивы диверсии могут быть разными (месть, корысть, ненависть к существующему конституционному строю и т. п.). Обязательным признаком субъективной стороны преступления является *цель* – подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации.

По объективным свойствам содеянного диверсия сходна с рядом общеуголовных преступлений. Отличие их от диверсии заключается в том, что они наносят ущерб другим сферам общественных отношений (объектам) и при их совершении у виновного отсутствует указанная в ст. 281 УК цель – подрыв экономической безопасности и обороноспособности России.

От террористического акта (ст. 205 УК) диверсия отличается направленностью совершения общеопасных действий. Цели терроризма, в отличие от указанной цели диверсии, – нарушение общественной безопасности, устрашение населения либо оказание воздействия на принятие решений органами власти.

Если диверсию совершает гражданин Российской Федерации по заданию представителей иностранного государства или иностранной организации, его действия квалифицируются по совокупности с государственной изменой в форме оказания помощи в проведении враждебной деятельности против России.

Субъектом диверсии может быть гражданин России, иностранный гражданин или лицо без гражданства, достигшие 16-летнего возраста.

Глава III
Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления

§ 1. История уголовного законодательства России об ответственности за должностные преступления

Ретроспективный анализ законодательства об уголовной ответственности должностных лиц показывает, что истоки конструирования составов этого вида преступной деятельности следует связывать главным образом с развитием двух явлений: с усилением власти государя и формированием управленческих структур государства в период XIV–XV вв. Укрепление государственного строя требовало создания определенных управленческих структур. В этом случае власть осуществляется от имени государства с помощью многочисленных категорий работников государственного аппарата посредством наделения их для этой цели необходимым объемом властных и служебных полномочий, которые в процессе управления в силу различных обстоятельств могут нарушаться. Естественно, возникает необходимость установления ответственности чиновников за нарушения, допускаемые по службе.

Анализ исторического пути развития уголовного законодательства об ответственности за служебные преступления в России позволяет представить его как ряд взаимосвязанных этапов.

Исследование показывает, что система государственного управления на протяжении многовекового периода русской истории покоилась на кормлении[6364], в самой идее которого «заключаются все условия превышения меры должного и справедливого»[65].

Истоки формирования составов должностных преступлений можно обнаружить в первом законодательном сборнике – **Судебнике Великокняжеском 1497 г., который особое внимание уделял охране интересов** суда. Судебник предусматривал запрет некоторых видов нарушения служебной дисциплины при осуществлении деятельности суда. Но наиболее ярким моментом, связанным с формированием должностных преступлений в этом законе, явилась, пожалуй, ст. 1, которая упоминала о взяточничестве следующее: «Суд Царя и Великого Князя судити Боярам и Окольничим, и Дворецким, и Казначеем, и Дьякам по делам в правду, а судам не мстити никому, и не дружите, и посула в суде не имате». Иначе говоря, Судебник запрещал посулы (взятки), о чем прямо указывал и в других нормах этого закона. Так, в ст. 67 Судебника была предусмотрена ответственность судьи, истца и ответчика за получение незаконного вознаграждения. Каралось содеянное строжайшим образом – смертью и конфискацией имущества виновного.

Судебник предпринял попытку регламентировать и другие противоправные действия должностных лиц. Так, в ст. 2 был сформирован прообраз состава превышения должностных полномочий. Установления этой нормы были обращены на то, чтобы деятельность должностных лиц, руководивших отраслями центрального управления, была строго ограничена рамками той отрасли, которую они возглавляли, и не выходила за них.

---

[63] *Анциферов К. Д.* Взяточничество в истории русского законодательства (до периода Сводов). СПб., 1884. С. 3.

[64] См.: *Ширяев В. Н.* Взяточничество и лиходательство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Ярославль, 1916; *Кирпичников А. И.* Российская коррупция. СПб., 2004.

[65] *Анциферов К. Д.* Взяточничество в истории русского законодательства (до периода Сводов). СПб., 1884. С. 3.

Формирование составов должностных преступлений продолжилось в середине XVI столетия, когда был принят **Судебник Царя Ивана Грозного 1550 г**., который выделил особо опасные виды преступлений, непосредственно направленные против государственных основ и интересов господствующего класса.

Выделение новых должностей дворцового аппарата и великокняжеской канцелярии обусловило введение некоторых из них в состав судебных органов. В заголовке Судебника 1550 г. упомянут широкий круг должностных лиц. Это, как достаточно убедительно показал И. И. Смирнов[66], свидетельствует о возросшем значении дьяков и приказов, которые теперь входили в состав центрального суда. То, что всяким *приказным людям* поручались те или иные сферы, функции управления, говорит об увеличении административного аппарата и развитии учреждений общегосударственного значения.

Вводится не известное памятникам предыдущей законодательной деятельности Русского государства преступление – *подписка*, т. е. подлог судебных актов (ст. 4, 5). Субъектом рассматриваемого преступления являлись должностные лица: бояре, окольничие, казначеи, дьяки, а само преступление заключалось в ложном удостоверении в документе какого-либо имеющего юридическое значение события.

Судебник 1550 г. признает взяточничество преступлением и устанавливает за него наказание. Субъектом преступления выступают: в ст. 3 – боярин, дворецкий, казначей, дьяк; в ст. 4 – дьяк; в ст. 5 – подьячий.

Однако понятие взяточничества сводилось не к нарушению долга службы фактом взятки, а в подкупе с целью неправосудия. Взяточничество выступало обстоятельством, отягчающим ответственность для таких видов должностных преступлений, как подлоги различных судебных документов по фактам недостоверного изложения результатов следствия и суда, взыскания штрафов, судебных расходов и пошлины и др.

Итак, определяя развитие интересующих нас норм, следует отметить, что к середине XVII в. в законодательных актах наметилось формирование уголовно-правовых новелл, предусматривающих ответственность за должностные преступления.

Соборное уложение 1649 г. – первый в истории России систематизированный закон, который подвел итог длительного развития русского права. В Соборном уложении нет специальных глав, охраняющих государственный строй России от преступных посягательств должностных лиц. Однако некоторые особенности правового статуса «служилых людей» можно вывести путем анализа содержания Соборного уложения 1649 г., в котором содержалась специальная глава «О службе всяких ратных людей Московского государства». В данной главе закона было предусмотрено наказание за уход со службы в виде физического наказания («бити кнутом»), а также в виде уменьшения поместного оклада или конфискации поместья[67].

В статьях главы X «О суде» Соборного уложения, регламентирующих порядок судебного делопроизводства, получили развитие нормы ст. 4 и 5 Судебника 1550 г., предусматривающих ответственность за подлог судебных актов. Изменилась конструкция состава подлога: в субъективную сторону, кроме корыстной цели должностного лица, совершившего подлог, вводятся иные мотивы (о дьяке говорится, что он совершает преступление, «норовя кому посулом, или по дружбе, или льстя кому недружбу»).

Другой важной новеллой, касающейся наказания дьяка за служебный подлог, было введение в Уложение, наряду с торговой казнью, битьем кнутом и лишением должности для дьяка, нового вида наказания для подьячего – отсечения руки.

Необходимо подчеркнуть и тот факт, что в Уложении отсутствуют нормы, которые определили бы взяточничество как самостоятельное преступление. «Неправда взяточниче-

---

[66] См.: *Смирнов И. И*. Очерки политической истории Русского государства. СПб., 1865. С. 320–322.

[67] Памятники русского права. М., 1955. Т. 4. С. 44–53.

ства исчезла из Уложения, она утонула в подлоге, медлительности», – писал в связи с этим К. Д. Анциферов[68]. Однако если взятка сопутствовала совершению других преступлений, то они наказывались наиболее строго. Это относилось, например, к совершению служебного подлога за взятку (ст. 12 гл. X), к неправедному суду, вызванному взяткой (ст. 2 гл. XII).

Следующий этап развития законодательства об уголовной ответственности за должностные преступления связан с эпохой Петра I, когда сложилось обширное и довольно разветвленное законодательство. При этом продолжали действовать и Соборное уложение 1649 г., и новоуказные статьи второй половины XVII в. Петр I даже специальным Указом 15 июня 1714 г. подтвердил действие Соборного уложения: «…повелел всякого чина судьям всякие дела делать и вершить все по Уложению»[69]. Однако в ходе петровских и последующих реформ XVIII в. было издано множество различных указов, регламентов, уставов. По данным исследователя Н. П. Ерошкина, за время правления Петра I было издано по меньшей мере 3314 указов, регламентов и уставов[70]. Следует особо подчеркнуть, что властитель лично принимал участие в создании многих из этих нормативных актов. Новое законодательство формально не отменяло ранее действовавшее, а просто наслаивалось на него. Подчас новые и прежние акты противоречили друг другу, что сильно затрудняло деятельность и судов, и органов управления.

За малейшие нарушения по службе чиновники подлежали суровой ответственности, вплоть до смертной казни. Должностное преступление рассматривалось как посягательство, содержащее в себе угрозу непоколебимости государя, а следовательно, и государственным структурам от злоупотреблений и разного рода преступлений[71].

Нельзя говорить о какой-либо выработанной системе должностных преступлений. Законодателю известны лишь отдельные виды злоупотреблений. Перечень преступлений должностных лиц мы находим в Генеральном регламенте, установившем общие начала коллежских и канцелярских порядков[72].

Взяточничеству как самому распространенному преступлению по службе того времени законодатель уделяет особое внимание. Еще в начале царствования Петра появились указы, направленные на борьбу с этим опасным социальным злом. Так, в **1698 г. Указ «О сборе в сибирских и поморских городах с товаров таможенных пошлин»** в отношении тех, кто «учнет воровать, пошлины красть…», устанавливал суровое наказание. Спустя год, в 1699 г., принимается Указ «О наказании посадских людей за взятки…»[73].

Указом Петра I «О воспрещении взяток и посулов за оное» от 24 декабря 1714 г. установлен запрет на мздоимство. Этот законодательный акт определял взяточничество так: «…получение должностным лицом мзды помимо содержания, получаемого от государства, независимо от того влияния, какое взятка оказывает в сфере служебной деятельности чиновника, – есть преступление по службе, ибо, доставляя незаконный прибыток чиновнику, взятка причиняет ущерб плательщику». Спустя два года, в **Указе Петра I от 18 июля 1716 г**., были выделены три формы взяточничества: принятие подарка, нарушение служебного долга за взятку и совершение преступления за взятку. В связи со свойствами этих форм определялось соответствующее наказание. Указы, направленные на борьбу со взяточничеством, активно принимались и в следующие годы: **«Инструкция, или наказ земским комиссарам в губерниях и провинциях» (1719 г.)**, **«О рачительном сборе податей и о наказании за взятки»**

---

[68] *Анциферов К. Д*. Указ. соч. С. 36.

[69] Законодательство Петра 1. М., 1997. С. 122.

[70] См.: *Ерошкин Н. П*. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 78.

[71] См.: *Ромашкин П. С.* Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра 1. Л., 1947. С. 7.

[72] *Воскресенский Н. А*. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. С. 132.

[73] См.: ПСЗ. Т. III. СПб., 1830. № 1654.

1720 г.)[74]. Тем самым взяточничество вновь признавалось уголовно наказуемым деянием, которое, как отмечалось выше, отсутствовало в виде такового в Соборном уложении 1649 г.

Субъектом взяточничества являлись не только берущие и «лиходатели», но и те, «которые ему в том служили и чрез кого делано, и кто ведали, а не известили, хотя подвластные или собственные его люди, не выкручаяся тем, что страха ради сильных лиц, или что его служитель», т. е. соучастники и даже недоносители. Чтобы «неведением никто не отговаривался», от поступающих на службу бралась подписка об объявлении им указа. Для ознакомления народа указы прибивались на видном месте[75].

Несмотря на то, что за взяточничество устанавливалось достаточно жесткое и даже жестокое наказание, распространение его в период правления Петра достигло небывалого масштаба. Не способствовало предупреждению этого опасного преступления даже то, что Петр решил установить чиновникам высокое жалованье. В литературе можно найти немало примеров процветания взяточничества и казнокрадства. Так, уличен был во взятках и казнен сам обер-фискал Нестеров. Был повешен за взяточничество, злоупотребления, казнокрадство сибирский губернатор князь Гагарин, который даже умудрился украсть бриллианты, купленные в Китае для жены Петра I, пока их везли через Сибирь. А у любимца царя князя Меншикова после его падения было найдено до трех миллионов деньгами и бриллиантами и сделан начет (царь обязал вернуть украденное) в размере почти годового бюджета Российской империи. Лишь в Белгородской губернии как взяточники и мздоимцы были обвинены 39 чиновных «персон», в числе которых можно упомянуть прокурора Зыбина, тайного советника Салтыкова и др.[76]

Норма, предусматривающая ответственность за другое должностное преступление – служебный подлог, являясь чертой старого права, в эпоху Петра I продолжала иметь самостоятельное и обособленное значение. В отношении этого состава руководящими были постановления главы XIII Генерального Регламента, в которых служебный подлог был обрисован достаточно подробно. Здесь проводится четкое различие между подлогом интеллектуальным («кто под каким-нибудь предлогом неправдиво учинит рапорт (или доношение) им о состоянии дела, а некоторые предложения и прочее тому подобное с умыслом удержит, или весьма утаит») и подлогом материальным («кто протоколы или другие документы переправит фальшиво, и прочее в таких причинах подобное учинит»)[77]. В период от Артикулов Петра I до Свода законов были разработаны меры предупредительного свойства против служебного подлога. Правительство стремилось к тому, чтобы всякий официальный документ был скреплен должностным лицом и чтобы в этом отношении велась строгая отчетность[78].

Особые предупредительные меры касались недопущения в официальных документах (книгах, вексельных документах) подчисток, поправок, дописок[79].

Законодательная деятельность по упорядочению уголовной ответственности должностных лиц была продолжена в период царствования Екатерины II. Известно, что в это время роль центральных органов постепенно была сведена к общему руководству и наблюдению, основные

---

[74] ПСЗ. Т. V. СПб., 1830. № 103, 3295, 3601.

[75] См.: Там же. № 2707, 2871. – Цит. по: Развитие русского права второй половины XVII–XVIII в. М., 1992. С. 175.

[76] См., напр.: *Гольцев В. А.* Законодательство и нравы в России XVIII века. СПб., 1896. С. 27, 37, 105; *Ащиферов К.* Взяточничество в истории русского законодательства // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1884. Т. XIV. Кн. 2. С. 39–44.

[77] См.: ПСЗ. Т. VI. № 3534.

[78] См., напр.: Наказ земским дьякам или секретарям от 21 апреля 1720 г., в котором постановляется, что «для вящего предостерегания всякихъ неустройствъ и подлоговъ, иметь земский дьяк (секретарь) у всех воеводских (губернаторских) писем и указах и резолюциях имя своё в самом низу приписывать» (ПСЗ. Т. VI. № 3571).

[79] См., напр.: Наказ губернаторам, воеводами их товарищам 12 сентября 1728 г.; Сенатский указ 28 августа 1735 г. (ПСЗ. Т. VI. № 6797).

вопросы управления стали решаться на местах, и для этого был проведен ряд реформ местного управления.

В период правления Екатерины II принималось немало актов, регламентирующих ответственность чиновников по службе. Среди них следует назвать такие указы, как: **«Об удержании судей и чиновников от лихоимства» (1762 г.)**, **«О распубликовании во всем государстве об учиненных наказаниях за взятки и лихоимство» (1766 г.)**, **«О штрафовании присутственных мест за нерапортование и за неисполнение по посланным указам в сроки» (1766 г.)**, **«О наказании мирских начальников, уличенных в незаконных поборах» (1796 г.)**[80]. В нормативных актах формулировались составы таких преступлений, как взяточничество, лихоимство, подлоги документов, корыстное злоупотребление властью, неисполнение возложенных обязанностей, противоправное бездействие власти. Екатерина Великая проводила реформы, направленные на повышение значимости чиновничества в России. В результате указанных преобразований активно развивался бюрократический аппарат, росла его численность. Это способствовало распространению должностных преступлений, в особенности взяточничества. Однако, следуя просветительским теориям, Екатерина II декларировала гуманистические идеи о наказании, поэтому опасные должностные преступления влекли наказания гораздо более мягкие, нежели в эпоху Петра Великого. В последней четверти XVIII в. лица, совершившие должностные преступления (кроме взяточников), в основном прощались, а наказанием за взяточничество стало для низших чинов исключение со службы с лишением чина и взысканием полученных денег в двойном размере, а для высших чинов – временное пребывание в своих поместьях.

В период царствования Александра I (1801–1825) были предприняты попытки кодификации российского уголовного законодательства, которые выразились в ряде проектов уголовных уложений. Один из них разработан профессором Харьковского университета Якобом.

Проект проф. Якоба имел «важное значение для нашего позднейшего законодательства», – писал видный русский ученый Н. С. Таганцев[81]. При издании в 1832 г. Свода законов отдельные составы должностных преступлений формировались в соответствии с проектом 1811 г. Завершилась работа над Сводом законов в период правления Николая I (1825–1855 гг.).

Если анализировать развитие должностных преступлений по **Своду законов издания 1832 и 1842 гг.**, то, прежде всего, следует отметить наличие статей, трактующих эти преступления. К ним относились: злоупотребление властью, превышение власти, взяточничество, служебный подлог. Однако следует отметить, что статьи, предусматривающие составы должностных преступлений, помещены в разных местах Свода и не согласованы между собой. Более того, такое согласование отсутствует даже в тех случаях, когда речь идет об одном и том же преступлении.

Так, о служебном подлоге как особом виде подлога публичных документов идет речь в разделе V главы III «О неисполнении по должности». Под ним подразумеваются: а) подделка, переправка и подчистка протоколов и других документов присутственных мест (ст. 284); б) неправый доклад судебных актов для сокрытия истины, лживые рапорты о состоянии дела и т. п. подлоги (ст. 285).

Кроме того, ст. 729 предусматривает ответственность чиновников крепостных дел, нотариусов и маклеров, произведших от имени частных лиц подлог крепостных актов, заочно совершивших акты от имени отсутствующих лиц без доверенности от них, осуществивших подлог актов задним числом и т. п.

---

[80] См.: ПСЗ. Т. XV. № 11616; Т. XVII. № 12781; Т. XVII. № 12710; Т. XXIII. № 17444.

[81] *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. 1. М., 1994. С. 102–103.

К середине XIX в. изменения в социально-экономическом строе общества настоятельно требовали обновления и упорядочения уголовного законодательства, что ощущалось не только развивающейся буржуазией, но и дворянством.

Необходимость новой систематизации уголовного законодательства была связана с реформами государственного аппарата, развитием системы полиции и полицейского сыска, с более точным обозначением правового статуса различных сословных групп в Своде законов.

Проведенная при Николае I систематизация российского законодательства в области уголовного права завершилась изданием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Оно было создано в результате соединения наскоро переработанных специальной комиссией актов времен правления Алексея Михайловича, Петра I, Екатерины II, включенных в Свод законов Российской империи, а также норм некоторых уголовных кодексов европейских стран[82].

В **Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (и в новых редакциях 1866 и 1885 гг.)** должностным преступлениям было посвящено одиннадцать глав, объединенных в разделе пятом, носящем наименование «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной». Анализ норм, входящих в этот раздел, позволяет отметить, что большинство из них описывают дисциплинарные провинности. Крючкотворство при описании должностных правонарушений не позволило провести различие между должностными преступлениями и дисциплинарными проступками.

Б. В. Волженкин справедливо отмечает, что «для Уложения о наказаниях было характерно казуистическое описание различных разновидностей преступления. Так, в главе “О превышении власти и противозаконном оной бездействии” предусматривалось десять вариантов превышения власти. Кроме того, содержались общие нормы, раскрывающие понятие превышения и бездействия власти»[83].

Пожалуй, лишь состав служебного подлога был регламентирован таким образом, что его положения в значительной части нашли свое отражение даже в современном уголовном законодательстве России.

Уложение о наказаниях 1845 г. придает служебному подлогу самостоятельное значение, специально посвящая этому составу преступления главу IV раздела V. Она так и называется «О подлогах по службе». Законодательный акт по содержанию подразделяет интеллектуальный подлог на общий, упомянутый в ст. 391, и особенный – выдачу заведомо ложного свидетельства (ст. 392) и заведомо лживое изложение законов и других правительственных актов (ст. 390). Последняя норма, по сути, дублирует содержание ст. 319–322, предусматривающих ответственность за составление подложных указов императора, подчистки, изменение содержания этих указов или использование их в преступных целях, лишь устанавливая повышенную ответственность за такие преступления должностных лиц.

Несмотря на то, что в ст. 448 Уложения говорится о похищении документа, ее действие распространялось лишь на те ситуации, когда хищение было направлено на достижение цели подлога, а не на те, когда оно совершалось с целью присвоения похищенного документа. В последнем случае виновный нес наказание по ст. 330 Уложения[84]. По данной статье могли быть квалифицированы лишь хищения документов, вверенных виновному в подлоге должностному лицу. Служебный подлог считался оконченным с момента внесения виновным в документы заведомо ложных данных, независимо от того, сумел он воспользоваться этим документом или нет. Кроме того, необходимо отметить, что Уложение устанавливало льготы,

[82] См.: Обозрение хода работ по составлению уголовного уложения//Журнал Министерства юстиции. СПб., 1902. № 1. С. 266.

[83] Подробнее см.: *Волженкин Б. В.* Служебные преступления. М., 2000. С. 10.

[84] См.: Разъяснения Сената // УКДС. 1893. № 48.

которые были в Своде законов по освобождению от телесных наказаний должностных лиц (на время состояния их на службе)[85].

Можно утверждать, что именно с данного периода было положено начало государственной политике формирования уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность должностных лиц за совершение преступлений по службе.

Важным этапом в истории развития уголовного законодательства России был период 1881–1903 гг. (именуемый в литературе тех лет «перестройкой»), в течение которого велась подготовка нового **Уголовного уложения, утвержденного 22 марта 1903 г**. Углубление классовых противоречий обусловило эволюцию и уголовного законодательства. Новый уголовный закон полностью не был введен в действие, поскольку при постатейном его обсуждении проявились противоречия в подходе депутатов ко многим его нормам. Тем не менее значение Уголовного уложения 1903 г. для развития российского уголовного права было велико. В нем содержалось немало прогрессивного, в том числе в части рассматриваемого нами вопроса. Так, значительно была расширена уголовная ответственность должностных лиц за различные нарушения по службе. В главе 37 «О преступных деяниях по службе государственной и общественной» сформулирован 51 состав, содержащий уголовную ответственность данной категории лиц (ст. 636–687)[86].

В Уложении 1903 г. фигурировал и иной субъект преступления – служащий. Со времен петровской «Табели о рангах» все русское чиновничество, независимо от ведомственной принадлежности, было разделено на 14 классов. Присвоение очередного классного чина связывалось, скорее, не с особенностями выполняемых чиновником функций и их содержанием, а с выслугой лет, с безупречным, с точки зрения вышестоящего начальства, несением службы, происхождением и прочими моментами. С учреждением Александром I министерств иерархия царской бюрократической системы приобрела определенную законченность.

Согласно ст. 636 Уголовного уложения 1903 г. *служащим* является «всякое лицо, несущее обязанности по службе государственной или общественной, в качестве должностного лица, или полицейского, или иного стража, или служителя, или лица сельского или мещанского управления». Это, однако, не относилось к кадрам верховного управления, по существу безответственным перед уголовным законом. Тем самым субъектами преступления по службе не могли быть частные лица.

В начале XX в. в период бурных экономических и государственных преобразований вновь встал вопрос об установлении ответственности высших государственных должностных лиц за должностные злоупотребления. Эта проблема получила широкое освещение в научной литературе того периода[87], но законодательного разрешения так и не нашла. К 1917 г. чиновничий корпус царской России представлял собой сугубо формализованную иерархическую систему. Иерархия этой системы определялась по преимуществу не содержанием выполняемых функций, а моментом формальным – присвоением чиновнику определенного классного чина.

Подводя итог сказанному, подчеркнем два момента.

Во-первых, на становление норм об уголовной ответственности за должностные преступления влияло развитие государственного строя России. На протяжении XVI–XIX вв. эти нормы прошли длительный путь. Появление норм, предусматривающих ответственность за должностные преступления, было связано, прежде всего, с потребностью ограничить зло-

---

[85] Подробнее см.: *Жбанков Д. И.*Телесное наказание в России накануне 20 века. СПб., 1900; *Тимофеев А. Г.* История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1897.

[86] См.: Уголовное Уложение. СПб., 1912. С. 264–284.

[87] Подробнее см.: *Алексеев А. С.* Безответственность монарха и ответственность правительства. М., 1907; *Жилин А. А.* Ответственность министров. Киев, 1908.

употребления должностных лиц по отношению к государству. За вред, причиняемый государю, они сурово наказывались.

Во-вторых, конец XIX – начало XX в. ознаменованы серьезными демократическими преобразованиями в России, оказавшими влияние на более радикальное развитие уголовного права, в том числе и в части, касающейся уголовной ответственности должностных лиц. Это выразилось в том, что специально оговаривались случаи взяточничества, превышения власти, подлогов по службе и др.

Таким образом, проведенный анализ нормативной базы свидетельствует о том, что в дореволюционном уголовном законодательстве нормы об ответственности за должностные преступления развивались от реформы к реформе, стремясь обеспечить охрану государственных интересов и деятельности государственного аппарата, и вышли к 1917 г. на определенный правовой уровень.

В советский период законодательство о должностных преступлениях получило бурное развитие. С первых дней Советской власти действие многих законов Российского государства было прекращено и на смену им пришли декреты, постановления, основным содержанием которых был призыв к беспощадности «к нашим врагам… и ко всем колеблющимся и вредным элементам… которые осмелятся внести дезорганизацию в тяжелую творческую работу по строительству новой жизни…»[88]. В других работах Ленин, говоря о злоупотреблениях «примазавшихся к коммунистам старых чиновников, помещиков и буржуа и прочей сволочи», указывал: «Тут нужна чистка террористическая: суд на месте и расстрел безоговорочно»[89]. Попрание законов покрывалось в те годы революционными идеями, «социалистической целесообразностью». Выработанные многовековым историческим развитием нормы уголовного права России были преданы забвению. Объективности ради отметим, что и этот период истории России содержал позитивные аспекты уголовно-правовой борьбы с должностными преступлениями.

В начальный период становления нового порядка в России возникла острая необходимость в укреплении основ государственного и политического строя, поэтому власть сразу же стала уделять внимание уголовно-правовой борьбе с должностными преступлениями. Законодательной основой ответственности за должностные преступления в этот период явилось **постановление «Об уголовной и гражданской ответственности служащих»** , принятое 11 апреля 1917 г. Временным правительством[90]. В нем была регламентирована ответственность всех государственных служащих. Однако из общего порядка уголовного судопроизводства по делам о должностных преступлениях из данного постановления было сделано исключение для высших правительственных чиновников.

Первым законодательным актом, предусматривающим отдельные преступления должностных лиц, является **декрет СНК РСФСР от 14 (27) ноября 1917 г. «О рабочем контроле»**. Декрет установил, что владельцы частных предприятий и представители рабочих и служащих, выбранные для осуществления рабочего контроля, виновные в сокрытии материалов, продуктов, заказов и в неправильном ведении отчетов и тому подобных злоупотреблениях, подлежат уголовной ответственности.

Практически тогда же был издан **декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде»**, в ст. 8 которого впервые четко упомянуто о должностных преступлениях. В частности, в соответствии с данной нормой к компетенции рабочих и крестьянских революционных трибуналов были отнесены дела об опасных преступлениях, и в их числе – дела о злоупотреблениях чиновников.

---

[88] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 433.

[89] Там же. С. 188.

[90] См.: Вестник Временного правительства. 1917. № 32.

Отнесение к компетенции революционного трибунала дел о лицах, «которые, пользуясь своим общественным или административным положением, злоупотребляют властью, предоставленной им революционным народом», регламентировалось и в **инструкции НКЮ РСФСР от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях, порядке ведения его заседаний».**

Следует отметить, что серьезное значение для борьбы с должностными преступлениями имело и **постановление Чрезвычайного VI Всероссийского Съезда Советов от 8 ноября 1918 г. «О точном соблюдении законов»**: все должностные лица Советской власти призывались «к строжайшему соблюдению законов РСФСР, изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений». Подобный призыв содержался и в **постановлении Совета Рабоче-Крестьянской обороны от 8 декабря 1918 г. «О точном и быстром исполнении распоряжений центральной власти и устранении канцелярской волокиты»**[91].

Таким образом, уже в первый год своего существования Советская власть уделяла достаточно серьезное внимание борьбе с должностными преступлениями, а также устранению условий, способствовавших этим преступлениям, издав целый ряд нормативных актов. Эти документы еще не содержали точного и исчерпывающего перечня признаков конкретных составов должностных преступлений, не во всех случаях определялись наказания за их совершение, но нельзя не признать, что уже сами акты свидетельствовали о твердой решимости Советского государства вести серьезную борьбу с должностными преступлениями, содействуя тем самым укреплению государственного аппарата.

Для развития уголовной ответственности должностных лиц большое значение имело «**Положение о революционных военных трибуналах» от 20 ноября 1919 г.**, в котором к должностным преступлениям относились: саботаж, превышение и бездействие власти при условии, если означенные деяния сопровождались существенным вредом для Республики или для дела революции, или же значительными убытками для казны, или если они могли сопровождаться указанными последствиями, не наступившими лишь случайно или ввиду принятых вовремя другими лицами предупредительных мер; присвоение, растрата или истребление вверенного по службе имущества, служебный подлог; вымогательство[92]. Анализ этого документа позволяет утверждать, что именно из него впоследствии выросло понятие большинства должностных преступлений, указанных в главе II Особенной части УК РСФСР 1922 г.

О должностных преступлениях упоминается и в целом ряде других декретов и постановлений Советской власти, изданных в первые годы существования Советского государства. К ним относится, в первую очередь, **декрет ВЦИК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве»**, в котором впервые был определен субъект этого преступления, регламентированы основные и квалифицирующие признаки состава взяточничества. Декрет проводил различие между должностными лицами и прочими служащими, что сохранило принципиальное значение и для регламентации ответственности за должностные преступления в настоящее время[93].

Декретом СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. «О борьбе со взяточничеством» были внесены изменения в декрет «О взяточничестве» от 8 мая 1918 г. и уточнены признаки составов соответствующих преступлений, а также обстоятельства, усиливающие наказание за взятку. Положения декрета от 16 августа 1921 г. в основном были привнесены в последующие законодательные акты.

---

[91] См.: СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 467; № 98. Ст. 929.

[92] См.: СУ РСФСР. 1919. № 58. Ст. 549.

[93] Более подробно об этом акте пишет С. Я. Улицкий (см.: *Афиногенов Ю. А., Улицкий С. Я., Яковенко Е. В.* Уголовно-правовая борьба со взяточничеством. Владивосток, 2005. С. 14–15).

В **декрете ВЦИК «Амнистия к 1 мая 1920 г.»** предусматривалось, что амнистия не распространяется на «совершивших должностные преступления, явно дискредитирующие Советскую власть». 26 февраля 1921 г.

НКЮ РСФСР принял **постановление «Об усиленной ответственности должностных лиц за преступления, совершаемые при продовольственной работе»**, согласно которому, в частности, различались: а) превышение власти с явно корыстной целью; б) превышение власти хотя и без корыстной цели, но сопровождавшееся дискредитированием Советской власти и имевшее важные последствия; в) преступное нерадение или бесхозяйственность, имевшие последствием порчу или гибель значительного количества заготовленных продуктов; г) иные преступные деяния, если их совершение обусловливалось совокупным действием нескольких лиц, а также если они носили организованный характер. Таким образом, и в этом акте содержались указания на необходимость учета тех отдельных признаков должностных преступлений, которые служили основой для индивидуализации ответственности.

В ряде нормативных актов была регламентирована ответственность должностных лиц за совершение хищения государственного имущества и смежных должностных преступлений, способствующих этим хищениям. Прежде всего это **декрет СНК от 21 октября 1919 г., посвященный борьбе со спекуляцией и хищениями, декрет ВЦИК и СНК от 1 июня 1921 г., посвященный борьбе с хищениями государственного имущества**[94],в котором прямо устанавливалась ответственность должностных лиц, уличенных в хищениях, подлогах, неправильной выдаче нарядов, участии в спекуляции в той или иной форме и во взятках».

В первом **Уголовном кодексе РСФСР 1922 г.** глава о должностных преступлениях располагалась в Особенной части на втором месте вслед за государственными преступлениями. Это свидетельствовало о том, какое значение им придавалось.

В данной главе была установлена ответственность за следующие виды должностных преступлений: злоупотребление властью (ст. 105), превышение власти (ст. 106), бездействие власти (ст. 107), халатное отношение к службе (ст. 108), дискредитирование власти (ст. 109), постановление неправосудного приговора (ст. 110), незаконное задержание, незаконный привод, принуждение к даче показаний на допросе (ст. 112), присвоение денег или иных ценностей (ст. 113), получение взятки (ст. 114), провокация взятки (ст. 115), служебный подлог (ст. 116) и др. Анализ статей, объединенных в главу II «Должностные (служебные) преступления» УК РСФСР 1922 г., показывает, что в основу систематизации был положен не только объект преступлений, но и другие признаки: субъект преступления, единство способа и др.

В **1926 г.** был принят новый УК **РСФСР**, который в основном текстуально воспроизвел уголовно-правовые нормы предыдущего УК об ответственности за должностные (служебные) преступления. Вместе с тем нельзя не заметить и определенных различий в формулировании тех составов преступлений, которые с точки зрения объекта и субъекта и в современных условиях признаются «общими» должностными преступлениями.

Законодатель в УК РСФСР 1926 г. свел воедино признаки простого и квалифицированного составов, предусмотренных в ст. 105 УК РСФСР 1922 г. Это привело к нагромождению законодательной конструкции и вряд ли способствовало единообразному уяснению закона. К примеру, такой субъективный признак, как «корыстные или иные личные виды», из разряда квалифицирующих был переведен в разряд условий одного из видов последствий.

Принципиальными нововведениями в УК РСФСР 1926 г., по сравнению с ранее действовавшим уголовным законом, в составе превышения власти или служебных полномочий являются следующие. Во-первых, в ч. 1 ст. 106 УК РСФСР 1922 г. преступление сконструировано в виде формального состава, а при квалификации по ч. 1 ст. 110 УК РСФСР 1926 г. требуется установить «наличие признаков, предусмотренных в предыдущей статье». Система-

[94] См.: СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 467; 1919. № 53; 1920. № 34. Ст. 163; 1921. № 20. Ст. 122; № 49; № 60. Ст. 421.

тическое толкование приводит к выводу, что речь идет о таких признаках, как последствия преступления.

Во-вторых, законодатель в ч. 1 ст. 110 УК РСФСР прямо не указывает на должностное лицо как субъект превышения власти или служебных полномочий. Им, согласно закону, выступает лицо, совершавшее действия, явно выходящие за пределы прав и полномочий, предоставленных ему законом. При такой формулировке закон истолковывается расширительно: субъектом может выступать не только должностное лицо, но и любое лицо, обладающее правами и полномочиями, предоставленными ему законом.

Вместе с тем в качестве положительного момента следует отметить то, что законодатель в УК РСФСР 1926 г. отказался от такого вида санкции, как отсылочная, имевшая место в ч. 1 ст. 106 УК РСФСР 1922 г., а именно: это преступление каралось «наказаниями, предусмотренными 1-й и 2-й частями 105-й статьи». Такой вид санкции широко использовался при конструировании и других статей должностных (служебных) преступлений в главе II УК РСФСР 1922 г., однако в УК РСФСР 1926 г. законодатель от него отказался.

В годы Великой Отечественной войны должностные преступления составляли особый вид преступности. Из 14 статей третьей главы УК РСФСР 1926 года (в редакции, которая действовала в период войны) активно применялось на практике около половины, а именно: ст. 109 «Злоупотребление властью»; ст. 110 «Превышение власти»; ст. 111 «Бездействие власти и халатность»; ст. 117 «Взяточничество»; ст. 118 «Дача взятки и посредничество во взяточничестве»; ст. 119 «Провокация взятки». Должностные лица, совершившие специальные виды должностных преступлений, регламентированных в других главах УК РСФСР, также активно привлекались к уголовной ответственности. В подавляющем большинстве случаев речь шла о совершении должностных растрат.

В период правления Сталина в СССР регистрировался относительно низкий уровень уголовных преступлений. По мнению проф. В. В. Лунеева, особенно низким в эти годы был уровень должностных преступлений – 0,2 преступления на 100 тыс. всего населения и примерно 2–3 деяния на 100 тыс. должностных лиц, могущих нести уголовную ответственность за совершение этого преступления. Среди причин низкого уровня зарегистрированной должностной преступности ученый называет жесткий тоталитарный контроль за поведением и деятельностью людей, в том числе и служивых, абсолютную экономическую зависимость должностных лиц от государства, узаконенный приоритет государства над правами личности, всеохватный жесткий централизм власти с почти военным подчинением государственных служащих и др.[95] Несмотря на такую картину официальной статистики о распространенности должностных преступлений, ученые справедливо полагают, что современная Россия унаследовала проявления коррупции в системе государственной службы, которые сложились в СССР. По мнению В. В. Гладких, во-первых, власть не признавала слово «коррупция», позволив ввести его в употребление лишь в конце 80-х годов XX в. Вместо него использовались термины «взяточничество», «злоупотребление служебным положением», «попустительство» и т. п. Отрицая термин, отрицали понятие, а значит и явление. Тем самым заранее обрекали на неудачу и анализ этого явления, и любую борьбу с его частными уголовно наказуемыми проявлениями[96].

УК РСФСР 1960 г. более четко сформулировал признаки должностных преступлений, которые были сведены в главу 7 Особенной части под названием «Должностные преступления». Причем эта глава предусматривала всего шесть статей, которые включали составы так называемых «общих» должностных преступлений, являющихся преступными посягательствами особого рода с точки зрения их объекта и субъекта. Составы так называемых «спе-

---

[95] См.: *Лунеев В. В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 1999. С. 334.

[96] См.: *Гладких В. И.* Коррупция в России: генезис, детерминанты и пути преодоления // Российский следователь. 2001. № 3. С. 31.

циальных» должностных преступлений были рассредоточены по другим главам Особенной части УК.

Принятие нового законодательства явилось той юридически-правовой базой, которая в основном просуществовала вплоть до конца 80-х годов, когда началась «перестройка». При этом либерализация законодательства, являясь основным вектором развития, противоречивым образом сочеталась с моментами частичного усиления репрессивных начал. И вначале 60-х годов можно наблюдать целый ряд ее очевидных свидетельств, касающихся и должностных преступлений. Так, в закрытом письме ЦК КПСС партийным организациям страны от 29 марта 1962 г. «Об усилении борьбы со взяточничеством и разворовыванием народного добра»[97] говорилось, что взяточничество – это социальное явление, порождаемое условиями эксплуататорского общества. Октябрьская революция ликвидировала коренные причины взяточничества, а советский административно-управленческий аппарат – это аппарат нового типа, поэтому недопустимо снисходительно относиться к взяточничеству. Предостережение ЦК КПСС сыграло свою роль. Репрессивная практика была ужесточена. В частности, 20 февраля 1962 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество»[98].

Резюмируя сказанное, следует подвести некоторые итоги.

Во-первых, на становление норм об уголовной ответственности за должностные преступления влияло развитие государственного строя России. На протяжении XVI–XIX вв. эти нормы прошли длительное становление. Появление норм, предусматривающих ответственность за должностные преступления, было связано, прежде всего, с потребностью ограничить злоупотребления должностных лиц по отношению к государству. За вред, причиняемый государю, они сурово наказывались.

Во-вторых, конец XIX – начало XX в. ознаменованы серьезными демократическими преобразованиями в России, оказавшими влияние на более радикальное развитие уголовного права, в том числе и в части, касающейся уголовной ответственности должностных лиц. Это выразилось в том, что специально оговаривались случаи взяточничества, превышения власти, подлогов по службе и др.

В-третьих, в последующий период 1917–1953 гг. произошло резкое свертывание установленных демократических начал. Уголовное право и законодательство развивалось на основе господствующей идеологии и обслуживающей ее догматики. Даже относительно прогрессивная уголовно-правовая реформа в конце 50-х – начале 60-х годов была осуществлена на основе постулатов официальной идеологии. На этой идеологической и догматической базе формировалось несколько поколений криминалистов. Надо отдать должное ученым, которые боролись против игнорирования научных основ уголовной политики, вносили определенный вклад в процесс создания основ гуманного и демократического общества, характеризующегося открытостью научных суждений и активным законотворчеством.

Таким образом, анализ исторической практики уголовной ответственности за должностные преступления, выявление ее основных тенденций и противоречий, осмысление позитивных и негативных сторон представляют научный и практический интерес для выбора оптимальной модели уголовной ответственности за должностные преступления в современных условиях.

Изучение исторического пути развития российского законодательства об уголовной ответственности за должностные преступления показывает, что изменения в социальной жизни, коренная перестройка экономической и политической систем общества, процессы демократизации делают актуальной, наряду с другими, проблему частичного пересмотра самой

---

[97] См.: ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 305. Л. 47.

[98] См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. М., 1992. С. 112–113.

концепции ответственности должностных лиц. Это нашло отражение в теоретической разработке основных направлений реформы уголовного законодательства и разрешении проблем, поставленных практикой перед уголовно-правовой наукой. В частности, признавая одним из важнейших направлений уголовно-правовых исследований разработку проблемных вопросов об ответственности за должностные преступления, отечественными учеными были сформулированы новеллы и предложения по совершенствованию законодательства, многие из которых нашли свое отражение в действующем Уголовном кодексе РФ.

§ 2. Понятие, общая характеристика и виды преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления

Законодатель справедливо сохранил в системе нового российского уголовного законодательства ответственность за преступления, совершаемые должностными лицами с использованием служебного положения. В России в условиях изменившейся в конце XX – начале XXI в. социальной практики должностные преступления рассматриваются в качестве особого вида преступных посягательств с точки зрения как объекта, так и субъекта преступлений. Они закреплены в главе 30 УК РФ 1996 г. (ст. 285–293) и получили новое наименование – преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

УК РФ не содержит нормы, дающей родовое определение должностных преступлений. Общее понятие должностного преступления разработано теорией уголовного права.

Должностные преступления обладают признаками, общими для данной группы преступлений, которые относятся к объекту, объективной стороне и субъекту преступного посягательства.

Приступая к общей юридической характеристике преступлений, предусмотренных главой 30 УК РФ, прежде всего, необходимо рассмотреть объект преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Объект рассматриваемого преступления в действующем уголовном законе непосредственно не указан, но именно он в первую очередь имеет большое значение для уяснения сущности должностного преступления, позволяет отграничить данную группу посягательств от других групп. Четкое определение объекта важно еще и потому, что видовой объект положен в основу выделения анализируемых преступлений в специальную главу Уголовного кодекса.

До середины 80-х годов XX в., когда начали осуществляться реформы, в условиях полного огосударствления всех сфер общественной жизни в теории государственного управления не было четкого отграничения аппарата государственного управления от других действующих в обществе систем социального управления, более того, они зачастую отождествлялись[99]. Поэтому при определении объекта должностных преступлений речь шла о нормальной работе не только государственного, но и общественного аппарата, под которым понималась система органов власти и управления всех уровней.

К середине 90-х годов в основном сложилась новая совокупность правоотношений в различных областях жизни общества, нуждающаяся в соответствующей системе уголовно-правовой защиты. В связи с этим можно утверждать, что на основе конкретных социально-правовых потребностей четко обозначился новый объект уголовно-правовой охраны, на который посягает каждое преступление, предусмотренное главой 30 УК, которая получила наименование:

[99] См. напр.:*Курашвили Б.П.*Очерк теории государственного управления. М., 1987.С. 216.

«Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

Безусловно, законодатель поступил верно, приведя в УК РФ название главы о должностных преступлениях в соответствие с основанием классификации преступлений – характером объекта посягательства.

Толкуя смысл названия данной главы УК, авторы в основном исходят из того, что в заголовок главы вынесены составные части (компоненты) видового объекта, и поэтому видовым объектом для преступлений, включенных в главу 30, являются государственная власть, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления. В частности, П. Г. Пономарев полагает, что видовым объектом рассматриваемых преступлений является «порядок осуществления государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления»[100]. Однако автор не разъясняет, что имеется в виду под «порядком осуществления» указанной деятельности.

Другие ученые предлагают более развернутые определения. Так, в качестве видового объекта преступлений, предусмотренных главой 30 УК, Б. В. Волженкин рассматривает нормальную деятельность публичного аппарата управления в лице государственных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, органов местного самоуправления, а также аппарата управления в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации по выполнению стоящих перед ними задач[101].

Определение видового объекта рассматриваемых преступлений, предложенное Ю. И. Ляпуновым, носит еще более подробный характер, однако по сути практически не отличается от вышеизложенного. В частности, он пишет: «…родовым (видовым) объектом рассматриваемой группы преступлений является совокупность общественных отношений в сфере нормального, соответствующего положениям Конституции Российской Федерации, требованиям других федеральных законов и подзаконных нормативных актов функционирования органов государственной власти, под которыми понимаются органы законодательной, исполнительной и судебной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и местного самоуправления, а также в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях РФ»[102].

На наш взгляд, определяя видовой объект должностных преступлений, надо исходить из следующего.

В период разработки нового уголовного закона, принимая во внимание сделанный обществом и государством выбор в пользу цивилизованной рыночной экономики, необходимо было скорректировать взгляды на рассматриваемый объект должностных преступлений. При этом следовало учесть, что в условиях осуществления социально-экономических реформ сущность управленческих функций органов власти и управления, в принципе, качественно не меняется, изменения касаются объема таких функций, который направлен на их ограничение. Соответственно это должно было повлечь и сужение сферы общественных отношений, составляющих объект анализируемого вида преступлений. В связи с этим можно утверждать, что сердцевину определения видового объекта рассматриваемых преступлений составляет государственный аппарат, который, исходя из общего мнения, представляет собой «систему органов государственной власти или органов государства»[103]. Поскольку современный государственный аппарат в России проходит стадию реконструкции, становления и развития, то в это время очень

---

[100] Российское уголовное право: В 2 т. Т. 2: Особенная часть. М., 2002. С. 664.

[101] *Волженкин Б. В.* Указ. соч. С. 98.

[102] Уголовное право. Особенная часть. М., 1998. С. 587.

[103] См., напр.: *Григорян Л. Л.* Теоретические и конституционные основы механизма Советского государства: Авто реф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1989. С. 9.

важно осознание обществом места и роли всех органов государственного аппарата в управлении государством, конкретизации и разделения их полномочий.

В более узком смысле аппарат государства представляет собой сложную систему органов, различающихся своим местом в общей структуре аппарата, характером и объемом компетенции, формами и методами деятельности.

Определяя видовой объект должностных преступлений, следует учитывать, что Конституция России не только признает и закрепляет местное самоуправление (ст. 3, 12), но и устанавливает конституционный принцип – норму о самостоятельности местного самоуправления в пределах его компетенции, отделяя его от системы органов государственной власти. Кроме того, в ч. 4 ст. 34 Федерального закона РФ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» прямо указано на то, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. На местном уровне публичная власть реализуется уже не государственными органами, а непосредственно местным населением и образуемыми им органами и соответствующим образом избираемыми или назначаемыми должностными лицами. Местное самоуправление – одна из демократических основ системы управления обществом и государством, важнейший структурный элемент устройства власти в большинстве стран мира.

Аппарат публичной власти – это огромная и разветвленная система государственных органов и органов местного самоуправления и их должностных лиц по управлению государством. В него входят государственные органы законодательной, исполнительной и судебной власти, органы местного самоуправления, а также органы управления в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации[104]. Указанные органы в совокупности образуют механизм для осуществления единой публичной власти и в этом смысле систему властвования.

Следовательно, видовой объект преступлений, предусмотренных главой 30 УК, можно определить как нормальную, регламентированную законом и отвечающую интересам развития общества деятельность аппарата публичной власти, который олицетворяют государственные органы законодательной, исполнительной и судебной власти, органы местного самоуправления, а также органы управления в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. Исходя из этого, целесообразно было бы название главы 30 УК изложить в следующей редакции: «Преступления против аппарата публичной власти».

Глава 30 УК входит в раздел X «Преступления против государственной власти». Поскольку преступления, включенные в главу 30 УК, причиняют вред не только аппарату государственной власти, но и аппарату органов местного самоуправления, то родовой объект раздела X действующего УК РФ должен отражать это обстоятельство. А. И. Рарог справедливо отмечает, что «название раздела X УК не в полной мере соответствует его содержанию, поскольку его нормами защищаются интересы не только государственной власти, но местного самоуправления, то есть публичной власти в целом»[105]. Следует согласиться с предложением названия, более полно отражающим рассматриваемый объект всех преступлений раздела X, – «Преступления против публичной власти», поскольку «публичная власть» – это родовое понятие, объединяющее публичную власть: 1) государственную (Российской Федерации), 2) субъ-

---

[104] Заметим, что государственные учреждения (например, образовательные учреждения, учреждения здравоохранения, культуры и т. п.)нет необходимости, как это делает ряд авторов, отдельно включать в структуру аппарата публичной власти, поскольку они являются составной частью соответствующих федеральных и региональных органов исполнительной власти (см., напр.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. М., 2004. С. 543).

[105] Уголовное право России. Части Общая и Особенная. М., 2004. С. 583. – Менее удачным представляется предложение Е. В. Львович назвать раздел X УК РФ «Преступления против интересов государственной власти и местного самоуправления» (см.: *Львович Е. В.* Должностное злоупотребление: проблемы криминализации, квалификации и отграничения от правонарушений, не являющихся преступными: Авто реф. дис…. канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 8, 19–20).

ектов Федерации, 3) органов местного самоуправления. Такого же мнения придерживаются и другие криминалисты[106].

Непосредственным объектом данной группы преступлений выступают различные сферы деятельности органов государственной власти, государственной службы или органов местного самоуправления, правильная работа отдельных звеньев государственного или муниципального аппарата.

При совершении некоторых должностных преступлений причиненный вред может дополнительно выражаться в нарушении различных законных прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Поэтому в некоторых составах выделяются *дополнительный непосредственный объект* – интересы личности, отношения собственности. Например, в результате превышения должностных полномочий могут быть нарушены права отдельных граждан.

Обязательным признаком ряда составов должностных преступлений является *предмет*. Например, в составах, предусмотренных ст. 290 и 291 УК, предметом взятки являются деньги, ценные бумаги, имущество, выгоды имущественного характера.

Объективная сторона анализируемого вида преступлений состоит в различных формах преступного нарушения нормальной деятельности органов власти и управления. Абсолютное большинство этих преступлений может совершаться лишь в виде действия должностных лиц (превышение должностных полномочий, получение взятки, дача взятки и др.), и только отдельные преступления (халатность, злоупотребление должностными полномочиями) могут быть совершены путем как действий, так и бездействия.

На протяжении долгих лет в теории уголовного права общепризнанно и не оспаривается современными авторами, что различные виды должностного злоупотребления заключают в себе его общие свойства: совершение виновным деяния благодаря служебному положению и вопреки интересам службы.

В УК РФ 1996 г. дана узкая трактовка служебного положения путем прямого указания законодателя на использование должностным лицом своих служебных полномочий при совершении преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. В связи с этим вполне обоснованной представляется замена в тексте закона при конструировании состава должностного злоупотребления слов «служебное положение» словами «служебные полномочия», поскольку термин «служебное положение» шире по своему значению, так как включает в себя помимо полномочий использование должностным лицом своего авторитета (влияния) при отсутствии у него полномочий для принятия решения по тем или иным вопросам в другой сфере деятельности.

Казалось бы, проблема нашла свое логическое разрешение. Однако анализ судебно-следственной практики показывает, что отныне возникают другие трудности в понимании термина «полномочия». Дело в том, что правоприменители зачастую отождествляют «полномочия» с категорией «компетенция». Между тем компетенция – это право и обязанность действовать в пределах очерченных законом функций органа управления. Обладая комплексом полномочий, должностное лицо действует в пределах своей компетенции, т. е. в соответствии с законом и в рамках прав и обязанностей, которыми он наделен. При этом компетенция должностного лица хотя и определяется совокупностью прав и обязанностей, но в преобладающей степени играют роль должностные обязанности, так как они очерчивают пределы компетенции, и именно обязанности выступают в рамках должности источником формирования прав.

Таким образом, новое законодательное решение в обозначении общего свойства деяния различных видов должностного злоупотребления представляется обоснованным и целесооб-

[106] См., напр.: *Ремизов М. В.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления против интересов публичной службы (Гл. 30 УК РФ): Авто реф. дис. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2004.

разным, что послужит повышению эффективности уголовно-правовой борьбы с должностной преступностью.

Другим обязательным признаком должностных преступлений является их совершение виновным лицом вопреки интересам службы.

Следует отметить, что в уголовно-правовой доктрине существует малоразличающееся понимание этого свойства деяния. Классическая формулировка этого признака деяния в составах должностных преступлений состоит в том, что должностное лицо формально действует в рамках служебных полномочий, но по существу эти действия не вызываются интересами службы и поэтому по своему содержанию являются незаконными.

Высшая судебная инстанция России предлагает следующее толкование указанного понятия: «Интересы службы, служебный долг, вопреки которым должностное лицо использует свои служебные полномочия, определяются объемом обязанностей лица, вытекающих из соответствующих нормативных актов и трудового договора с государственными или иными предприятиями и организациями, деятельность которых не противоречит действующему законодательству»[107]. Такого мнения придерживается большинство авторов, что, по нашему мнению, является правильным, так как в нем отражена суть рассматриваемого понятия. Этими разъяснениями руководствуются суды при квалификации изучаемого вида преступлений.

Точная оценка этого свойства деяния приобретает особое значение. Правильное его истолкование служит важным критерием отграничения должностного преступления от внешне сходных деяний, вызванных служебной необходимостью, или признания содеянного непреступным.

Из современной следственной практики можно привести случай, когда отсутствие в содеянном рассматриваемого признака не помешало правоприменителю возбудить уголовное дело по факту совершения должностного преступления. Так, по данным пресс-службы прокуратуры Приморского края, 10 августа 2004 г. прокуратурой Ленинского района г. Владивостока по заявлению студентов было возбуждено уголовное дело в отношении Н., которая, будучи временно исполняющей обязанности заведующей кафедры «Гражданское и предпринимательское право» одного из вузов г. Владивостока, вымогала у них взятку за получение положительной оценки по дисциплине «Гражданское право» и перевод на следующий курс. Так, трое студенток передали Н. по 9400 рублей каждая. В ходе осмотра места происшествия Н. были добровольно выданы находившиеся в ее сумочке деньги в сумме 28 200 рублей, полученные от студентов, как она пояснила, для приобретения компьютера для нужд кафедры[108]. Позже в процессе расследования дела было установлено, что Н. действительно, исполняя решение Ученого совета вуза, обратилась к студентам, успешно завершившим учебный год, оказать спонсорскую помощь в приобретении компьютера для нужд кафедры. Студенты, не желая тратить время на приобретение компьютера самостоятельно, предложили и передали Н. деньги для его покупки. Полагаем, что при подтверждении указанной версии квалифицировать содеянное как должностное преступление вряд ли будет возможным в связи с отсутствием в деянии Н. признака, что она действовала вопреки интересам службы[109].

Объективная сторона некоторых должностных преступлений предполагает не только совершение тех или иных общественно опасных деяний по службе, но и наступление в результате этого определенных, обозначенных в законе вредных последствий. Так, преступления, предусмотренные ст. 285, 286, 288, 293 УК, имеют *материальный* состав.

---

[107] Бюллетень Верховного Суда РФ. 1993. № 2. С. 4.

[108] Официальный Интернет-сайт прокуратуры Приморского края: www.nadzor.pk.ru, информация получена 20 августа 2004 г.

[109] В конце мая 2005 г. Ленинский районный суд г. Владивостока не нашел в деянии Н. признаков состава преступления и прекратил уголовное преследование.

Для составов других должностных преступлений достаточно одного факта совершения предусмотренного законом общественно опасного действия по службе. Это означает, что общественно опасные последствия не включены в качестве обязательного признака в объективную сторону этих должностных преступлений. По конструкции объективной стороны преступления, предусмотренные ст. 287, 289–292 УК, имеют *формальные* составы.

Субъективная сторона всех рассматриваемых преступлений, кроме халатности (ст. 293 УК), характеризуется только умышленной формой вины.

Обязательным признаком субъективной стороны отдельных составов преступлений является *мотив*. Например, в составах «злоупотребление должностными полномочиями» (ст. 285 УК), «служебный подлог» (ст. 292 УК) таким обязательным признаком выступает корыстная или иная личная заинтересованность.

Субъект всех преступлений, кроме дачи взятки (ст. 291 УК), – специальный.

Специальным субъектом большинства анализируемых преступлений, как отмечалось выше, выступает должностное лицо, что является основной отличительной особенностью преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Должностное лицо как специальный субъект занимает особое положение. Будучи одним из видов специального субъекта, должностное лицо характеризуется именно своей всеобщностью в том смысле, что любой видовой объект, как он определяется в отдельных главах УК, может пострадать от преступных действий этого субъекта, всегда совершаемых в рамках специфических для него форм. Поэтому понятие должностного лица – одно из основополагающих понятий не только в системе преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, но и в уголовно-правовой науке в целом.

В соответствии с законом (примечание 1 к ст. 285 УК) под должностными лицами в статьях главы 30 УК признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Выделим следующие особенности определения понятия должностного лица:

– оно помещено в главе, предусматривающей ответственность за преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления;

– содержит оговорку, что имеет в виду только субъекта, упоминаемого в главе 30 УК, в которой оно расположено;

– в качестве основного критерия определения понятия субъекта преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления указываются функции, выполняемые работником, а не занимаемая должность.

Если сравнить приведенное определение должностного лица с аналогичным понятием, имевшимся в УК РСФСР (примечание к ст. 170), то с содержательной точки зрения изменений практически не произошло. Из анализа уголовного законодательства, а также судебной практики на протяжении последних почти восьмидесяти лет становится совершенно очевидным, что построение дефиниции должностного лица на основе содержательных критериев – единственно правильный путь определения столь сложного понятия.

Обратим внимание на то, что сделанная в примечании оговорка входит в резкое противоречие с другими положениями УК РФ. Дело в том, что по многим главам УК разбросаны

статьи, в диспозициях которых прямо указывается, что субъектами их могут быть только должностные лица. Из определения понятия должностного лица необходимо исключить указанный недостаток, что будет способствовать единообразному пониманию должностного лица как специального субъекта преступления.

Изучение юридической литературы, а также судебно-следственной практики показывает, что наличие законодательного определения должностного лица не исключает, однако, неясности при решении вопросов отнесения тех или иных лиц к числу должностных в конкретных случаях. В связи с этим большое значение приобретает раскрытие характера функций должностного лица, указанных в уголовном законе.

Одну из категорий должностного лица составляют лица, которых согласно уголовному закону именуют представителями власти.

Проведенный нами экспертный опрос сотрудников органов внутренних дел[110], а также анализ судебно-следственной практики свидетельствуют, что зачастую в конкретных случаях возникают неясности при решении вопроса об отнесении тех или иных лиц к категории представителя власти. В законе и юридической литературе четкий ответ на него также не выработан. В связи с этим особое значение приобретает выяснение сущности категории должностного лица.

В новом уголовном законе впервые на законодательном уровне дано легальное определение представителя власти. В примечании к ст. 318 УК представителем власти признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости.

Выделим следующие особенности определения представителя власти:

– оно помещено в главе, предусматривающей ответственность за преступления против порядка управления;

– содержит оговорку, что указанная дефиниция распространяется не только на ст. 318, но и на другие статьи УК;

– представитель власти является должностным лицом;

– в качестве основного критерия определения понятия представителя власти указываются полномочия, выполняемые этим лицом.

Выделенные особенности позволяют сопоставить это определение с вышеприведенной законодательной дефиницией должностного лица и выявить разногласия между ними, которые сводятся к следующему.

Во-первых, если представитель власти является должностным лицом, то к чему «разрывать» дефиниции и помещать их в разные главы закона? Во-вторых, в преступлениях против порядка управления, помещенных в главу 32 УК, представитель власти выступает в качестве потерпевшего, а не субъекта преступления. Почему в законе на этот момент не обращено внимания? В-третьих, в примечании к ст. 285 УК употребляется выражение «функции представителя власти», а в примечании к ст. 318 УК речь идет о «распорядительных полномочиях».

При формулировании примечания к ст. 318 УК законодатель, к сожалению, допускает логическую ошибку в определении понятия представителя власти по отношению к законодательной дефиниции должностного лица, состоящую в том, что определение подменяется изменением словесной формы определяемого понятия. Иначе говоря, допускается повторение того же самого другими словами: представителем власти является должностное лицо, а должностное лицо – это лицо, осуществляющее функции представителя власти. В связи с этим зна-

[110] В связи с этим будет интересно привести результаты этого анкетного опроса. Из 120 респондентов на вопрос: «Кто признается представителем власти?» 61,2 % затруднились ответить, а 28,8 % респондентов вообще не знают, что они являются представителями власти. При этом надо учитывать, что выяснялось мнение практических работников, которые ежедневно взаимодействуют с населением.

чимым явилось разъяснение понятия представителя власти Верховным Судом РФ в п. 2 постановления № 6 от 10 февраля 2000 г. (в редакции от 6 февраля 2007 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», согласно которому «к представителям власти следует относить лиц, осуществляющих законодательную, исполнительную или судебную власть, а также работников государственных, надзорных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, а также организациями независимо от их ведомственной подчиненности»[111].

Представляется, что данная категория должностных лиц осуществляет полномочия, которые носят не ведомственный, а общий, публичный характер и реализуются они не в замкнутых рамках какой-либо организации, а в государственно-административно-территориальных границах. Разъясняя понятие этой категории должностного лица, следует выделять три особенности, характеризующие представителя власти, состоящие в наделении лица властными функциями (полномочиями), правом совершать действия, порождающие правовые последствия для всех или неопределенно широкого числа юридических или физических лиц, а также в несвязанности служебной деятельности ведомственными рамками.

К представителям власти, в частности, относятся депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ, законодательных органов субъектов РФ, а также представители исполнительной власти (в системе МВД РФ, ФСБ, таможни, налоговой полиции и т. п.), судебной власти и прокуратуры.

В законе, по-видимому, нецелесообразно выделять какие-либо определяющие представителя власти признаки в дефиниции должностного лица. Именно так поступили авторы одного из проектов УК России, прямо указав на представителей власти как на одну из категорий должностных лиц[112]. Такое указание могло бы восполнить пробел в законодательстве и послужить единообразному пониманию субъекта должностных преступлений. Кроме того, оно менее сложно для понимания.

Резюмируя изложенное, можно сделать предварительный вывод, что серьезной проблемой совершенствования российского законодательства является несогласованность законодательных дефиниций представителя власти и должностного лица, отсутствие логической связи между ними.

Наиболее распространенную категорию должностных лиц составляют лица, наделенные организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями.

По поводу основного содержания указанных функций должностного лица в уголовно-правовой литературе высказаны мало различающиеся между собой точки зрения.

Большинство авторов полагает, что под организационно-распорядительными функциями должностного лица следует понимать полномочия, связанные с непосредственным управлением людьми, участком работы, производственным процессом (через других лиц). Это включает в себя, например, руководство коллективом, расстановку и подбор кадров, организацию труда или службы подчиненных, поддержание дисциплины, применение мер поощрения или наложение дисциплинарных взысканий. К данной категории должностных лиц относятся: хозяйственные руководители предприятий и учреждений и их заместители, начальники отделов, секторов, участков и т. п. В отличие от тех, кто осуществляет властные функции, деятельность названных лиц ограничена рамками организаций и ведомств или их структурных подразделений, в которых они занимают соответствующие должности.

---

[111] См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5.

[112] См.: Преступление и наказание. Комментарий к проекту Уголовного кодекса России. М., 1993.

Административно-хозяйственные функции связаны с непосредственным распоряжением и управлением государственным имуществом, организацией получения либо отпуска материальных ценностей и контролем над этими операциями и др. К данной категории должностных лиц относятся, например, начальники планово-хозяйственных, снабженческих, финансовых отделов и служб и их заместители, заведующие складами, государственными магазинами и т. п.

Для исключения достаточно распространенных случаев необоснованного осуждения различных категорий работников за должностные преступления Пленум Верховного Суда РФ в упомянутом постановлении от 10 февраля 2000 г. сделал попытку раскрыть содержание рассматриваемых функций. «К административно-хозяйственным функциям, – говорится в нем, – могут быть, в частности, отнесены полномочия по управлению или распоряжению имуществом и денежными средствами… а также совершение иных действий: принятие решений о начислении заработной платы, премий, осуществление контроля за движением материальных ценностей, определение порядка их хранения и т. п.»

Следует отметить, что высший судебный орган страны не отошел от традиционного истолкования административно-хозяйственных функций. Вместо того чтобы разработать общие, относящиеся ко всем должностным лицам данной категории функции, в постановлении, так же как и в специальной литературе, перечисляются лишь отдельные разновидности полномочий.

Административно-хозяйственная деятельность близка к организационно-распорядительной. Для признания лица субъектом должностных преступлений по различным статьям УК РФ не имеет значения, занимает ли оно должность, связанную с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций. Однако высший судебный орган настоятельно рекомендует, чтобы при привлечении виновного лица к уголовной ответственности правоприменительные органы указывали на то, какие конкретно организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции (обязанности) в данном случае им осуществлялись[113]. Этому способствует, как нам представляется, чрезмерная детализация термина «управленческие функции», который, по существу, заключает в себе выполнение и организационно-распорядительных, и административно-хозяйственных функций (обязанностей). Думается, термин «управленческие функции» указывает на главные, типичные, свойственные всем относящимся к данной категории лиц функции, осуществляемые субъектами должностных преступлений.

Таким образом, представляется целесообразным употребление в законе термина «управленческие функции» при формулировании дефиниции должностного лица в смысле примечания 1 к ст. 285 УК. Этот термин обобщил бы весь разнообразный комплекс функций, осуществляемых должностными лицами. Конкретное должностное лицо может осуществлять любую из указанных функций.

Исследуя функции должностного лица, нельзя не отметить, что в ряду управленческих функций, на которые «расчленяется» управленческая деятельность при ее практической реализации, важное место занимает контроль.

Контрольно-надзорная деятельность не может быть отнесена ни к властной, ни к управленческой деятельности. Несмотря на то, что она вбирает в себя некоторые признаки и того и другого, контрольно-надзорная деятельность обладает достаточным своеобразием и носит достаточно самостоятельный характер. Это требует уточнения в законе.

---

[113] Несоблюдение этого требования влечет прекращение уголовного преследования. Так, например, О., сотрудник региональной налоговой полиции по Тюменской области, был оправдан за отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, в связи с тем, что органы предварительного следствия не установили, какие конкретно функции должностного лица были им нарушены (см.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 июля 1999 г. // Электронный ресурс: www.idioma.ru/).

С учетом изложенного в качестве возможного варианта законодательной дефиниции можно было бы использовать следующее определение: «Представитель власти – это лицо, на законном основании выполняющее властные функции в органах публичной власти и в контрольно-надзорных органах, наделенное в пределах своей компетенции правом предъявлять требования, обязательные для исполнения неопределенно широким кругом лиц, а при необходимости осуществлять меры государственного принуждения от имени уполномочившего его органа».

Должностные лица, признаваемые субъектами преступлений, составы которых сосредоточены в главе 30 УК, занимают должности, связанные с выполнением функций представителя власти, организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций, по назначению или по выборам, и могут выполнять указанные функции за вознаграждение или бесплатно, постоянно или временно.

Должностными лицами признаются также субъекты, которые выполняют указанные функции по специальному полномочию. Эта категория должностных лиц в законе не выделена в качестве самостоятельной, как это было в УК РСФСР. Однако в связи с тем, что данная разновидность субъектов имеет определенные особенности, есть достаточные основания для такого выделения. Особенность упомянутой категории должностных лиц состоит в том, что, во-первых, для выполнения функций представителя власти, организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций не требуется замещения должности. Во-вторых, эти лица наделены специальными полномочиями на основании имеющего юридическую силу акта (закона, приказа, положения, доверенности), регламентирующего круг специальных полномочий. И, в-третьих, специальные полномочия, как правило, носят разовый или краткосрочный характер, связаны с выполнением отдельного поручения должностного характера (например, поручение принять участие в проверке, работе той или иной комиссии и т. п.), в процессе и в связи с выполнением которых они рассматриваются как должностные лица, способные нести ответственность за различные преступления анализируемой группы.

В числе лиц, временно или по специальному полномочию осуществляющих функции представителя власти, следует, например, назвать присяжных заседателей, различных представителей общественности, в соответствии с законодательством официально привлекаемых к осуществлению властных полномочий по борьбе с преступностью или при выполнении различных надзорных и контрольных функций, например общественные инспектора органов рыбоохраны, ГИБДД и др.

Необходимо помнить, что лицо, временно исполняющее обязанности по определенной должности или осуществляющее специальные полномочия, может быть признано должностным лицом лишь при условии, если указанные обязанности или полномочия были возложены на него в установленном законом порядке.

Судебно-следственная практика неоднозначно подходит к вопросу о признании должностными лицами рядовых работников (особенно в сфере торговли), которые в связи с выполнением служебных обязанностей наделяются материальной ответственностью. Например, Г., продавец государственного предприятия торговли, необоснованно была признана должностным лицом и привлечена к уголовной ответственности по ст. 292 и 293 УК за халатное отношение к своим служебным обязанностям, в результате чего была допущена недостача на сумму 71 515 рублей, а также за внесение заведомо ложных сведений в отчеты о движении и остатках товарно-материальных ценностей с целью сокрытия недостачи по своему подотчету[114].

Разделяем позицию тех авторов, которые считают, что признание работников, наделенных функцией материальной ответственности, должностными лицами только по этому критерию является необоснованным и произвольно расширяет данное понятие. Как справедливо

[114] См.: Архив Надеждинского РОВД Приморского края. 1998. Дело № 751515.

указывает М. А. Семко, «указанные лица выполняют в этом случае профессиональные обязанности и никаких должностных полномочий организационно-распорядительного или административно-хозяйственного характера не имеют. Профессиональные обязанности заключаются в выполнении технических функций по хранению, приемке, выдаче, продаже товарно-материальных ценностей. Возложение на таких работников материальной ответственности… обусловлено особенностями выполняемой ими работы и является основанием для ответственности лица в случае выявления у него недостачи товарно-материальных ценностей»[115]. Представляется, что по мере завершения процессов разгосударствления и приватизации предприятий торговли и общественного питания, которые активно осуществляются в последнее десятилетие, этот вопрос сам собой снимется с повестки дня.

В юридической литературе отмечается, что определенную сложность на практике представляют случаи квалификации деяний, формально подпадающих под признаки должностного злоупотребления, совершенных лицами, которые по характеру своей деятельности могут выполнять и должностные, и производственно-профессиональные функции. В теории их условно называют функциональными работниками.

Следует согласиться с мнением тех криминалистов, которые полагают, что только при выполнении функций организационно-распорядительного или административно-хозяйственного порядка они могут быть признаны субъектами должностных преступлений[116].

В современной судебной практике некоторые категории функциональных работников признаются должностными лицами. К их числу относятся работники, которые при осуществлении профессиональных обязанностей совершают юридически значимые действия (например, врач выписывает листок нетрудоспособности).

Должностными лицами могут выступать представители медицинского персонала. Так, например, О., врач городской многопрофильной больницы г. Арсеньева, правильно была признана должностным лицом и привлечена к ответственности за служебный подлог. Исполняя обязанности заведующего отделения больницы, О. за вознаграждение незаконно выписала заведомо ложную справку о смерти гражданина К.[117] Вместе с тем Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в своем определении по делу Н. прямо указала: «Врач, не обладающий ни организационно-распорядительными, ни административно-хозяйственными функциями, не является должностным лицом и не может рассматриваться как субъект преступлений, предусмотренных ст. 290 и 292 УК РФ»[118].

Проведенное в рамках настоящего исследования изучение современной судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных главой 30 УК, показывает, что такие функциональные работники, как профессорско-преподавательский состав учебных заведений, нередко признаются должностными лицами.

Так, Судебная коллегия Верховного Суда РФ оставила без изменения приговор по делу М., признанного должностным лицом, виновным в получении взяток. М., работая доцентом кафедры государственного университета, как преподаватель был наделен правом принятия экзаменов у студентов. Не сдача студентом экзамена, т. е. получение неудовлетворительной оценки, влекла определенные правовые последствия: он не допускался к следующей сессии, не переводился на следующий курс, не получал официального вызова на сессию, следова-

---

[115] *Семко М. А.* Злоупотребление властью или служебным полномочием из корыстной заинтересованности: Авто реф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1991. С. 96–97.

[116] См., напр.: *Здравомыслов Б. В.* Должностные преступления. Понятие и квалификация. М., 1975. С. 72; *Гук О. М.* Проблемные вопросы уголовной ответственности за злоупотребление властью или служебными полномочиями. Дис. … канд. юрид. наук. Киев, 1988. С. 98–99, и др.

[117] См.: Архив Арсеньевского ГОВД Приморского края. 1998. Дело № 262302.

[118] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 ноября 2001 г. в отношении Н., врача-педиатра, оправданного по ст. 290 и 292 УК РФ.

тельно, не имел права на получение оплачиваемого отпуска и, кроме того, мог быть отчислен из вуза. Экзаменационные ведомости, листы, зачетные книжки студентов являются официальными документами, на основании которых принимаются решения о переводе студентов на следующий курс, а в итоге – о допуске к дипломной работе. Поскольку М. выполнял свои обязанности в государственном учебном заведении, он являлся должностным лицом, наделенным организационно-распорядительными функциями, а значит, и тем субъектом должностных преступлений, которые указаны в перечне, содержащемся в п. 1 примечания к ст. 285 УК[119].

Таким образом, при решении вопроса о признании функционального работника должностным лицом за основу необходимо брать характер выполняемых им функций в момент совершения преступления, четко различая при этом должностные и профессиональные обязанности.

На практике возникает немало сложностей при разграничении субъектов «должностных преступлений» и преступлений против интересов службы в коммерческих или иных организациях. Между тем проблему можно было бы решить путем унификации определения должностного лица в уголовном законе, вне зависимости от того, является оно государственным или негосударственным. Представляется, что в перспективе целесообразно включить в УК России унифицированное определение понятия «должностное лицо», разновидностями которого станут «публичное должностное лицо» и «частное должностное лицо» (в качестве возможного варианта – «партикулярное должностное лицо»)[120].

При определении *видов* преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления следует отметить, что отдельные составы должностных преступлений с разной степенью обобщения и различной полнотой предусматривают признаки одного и того же преступления. В зависимости от степени совпадения по объему и содержанию должностные преступления в системе Особенной части УК можно *классифицировать* на:

1) общие должностные преступления (в уголовно-правовой науке принято считать, что они предусмотрены главой 30 УК);

2) специальные должностные преступления (преступления, совершаемые должностными лицами, но предусмотрены эти преступления иными главами УК. К примеру, преступления, совершаемые должностными лицами органов правосудия, – ст. 302 УК);

3) альтернативно-должностные преступления (преступления, которые могут быть совершены как должностными, так и иными лицами с использованием своего служебного положения. Эти преступления предусмотрены иными главами УК. К примеру, п. «в» ч. 2 ст. 160 УК)

Представляется, что критерий степени совпадения составов по объему и содержанию позволяет разграничивать преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления на два вида составов:

а) общие должностные преступления (ст. 285, 286, 293 УК);

б) специальные должностные преступления (ст. 285^1, 285^2, 287, 289, 290, 292 УК).

Однако следует иметь в виду, что данная классификация проведена в рамках главы 30 УК. Поэтому те составы, которые являются специальными в пределах рассматриваемой

---

[119] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 2; см. также: п. 11 постановления Президиума Верховного Суда РФ от 2 декабря 1998 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3; Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ № 10-098-74 по делу Фалеева // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 7; Архив Омского областного суда. 2000. Дело № 2-37/00 в отношении преподавателя Омского колледжа транспортного строительства К., осужденной по ч. 4 ст. 290 УК РФ; Архив Хабаровского краевого суда. 2002. Дело № 2-27/02 в отношении старшего преподавателя кафедры ботаники Н., осужденного по ч. 4 ст. 290 и ст. 292 УК РФ; Архив Новосибирского областного суда. 2002. Дело № 2-78/02 в отношении преподавателя Сибирского университета потребительской кооперации Т., осужденной по ч. 4 ст. 290 УК РФ, и др.

[120] Подробнее об этом см.: *Басова Т. Б.* Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы Российской Федерации. Владивосток, 2005. С. 170–182.

мой главы, могут превращаться в общие составы должностных преступлений, если они сопоставляются с иными специальными составами, не входящими в главу 30 УК.

К примеру, ст. 285 УК, являясь общей нормой, предусматривает все разнообразные злоупотребления должностными полномочиями, в то время как ст. 292 УК, будучи специальной нормой, предусматривает один вид должностного злоупотребления – подлог официальных документов. Однако ст. 292 УК, будучи специальной нормой по отношению к ст. 285 УК, в то же время является общей нормой по отношению к другой специальной норме – ст. 142 УК, предусматривающей ответственность за фальсификацию избирательных документов, документов референдума или неправильный подсчет голосов.

Классификация должностных преступлений на общие и специальные как в рамках главы 30 УК, так и за ее пределами имеет большое значение, ибо позволяет разрешить вопрос об их соотношении по правилам о конкуренции уголовно-правовых норм. В теории уголовного права выработано общее правило квалификации преступлений в случае конкуренции общей и специальной норм. Суть его заключается в том, что при конкуренции общей и специальной норм должна применяться специальная норма[121].

Далее можно напомнить, что преступления, предусмотренные главой 30 УК, являются посягательствами особого рода с точки зрения объекта и субъекта преступления. Объект преступления, как известно, положен в основу построения Особенной части УК РФ. Несмотря на то, что непосредственные объекты конкретных должностных преступлений имеют отдельные отличительные особенности, вряд ли целесообразно избирать этот признак критерием для классификации преступлений внутри главы 30 УК.

Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления в рамках главы Особенной части уголовного закона классифицировать позволяет второй из названных выше особых признаков – субъект преступления.

В теории уголовного права выделяются два вида субъекта преступлений – общий и специальный. Поэтому преступления, предусмотренные главой 30 УК, можно разбить на следующие две группы.

I. Преступления, совершаемые специальным субъектом. К ним относятся: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК); нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285^1 УК); нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285^2 УК); превышение должностных полномочий (ст. 286 УК); отказ в предоставлении информации Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации (ст. 287 УК); присвоение полномочий должностного лица (ст. 288 УК); незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК); получение взятки (ст. 290 УК); служебный подлог (ст. 292 УК); халатность (ст. 293 УК).

II. Преступления, совершаемые общим субъектом. В эту группу включается дача взятки (ст. 291 УК).

В зависимости от вида специального субъекта первую из названных групп преступлений, в свою очередь, можно подразделить на следующие подгруппы:

1. Преступления, совершаемые только должностными лицами (ст. 285, 285^1, 285^2, 286, 287, 289, 290, 293 УК).

2. Преступления, совершаемые как должностными лицами, так и государственными служащими и служащими органов местного самоуправления, не относящимися к числу должностных (ст. 292 УК).

---

[121] См. напр.:*Кудрявцев В.Н.*Общая теория квалификации преступлений. М., 2001.С. 220.

3. Преступления, совершаемые только государственными служащими и служащими органов местного самоуправления, не относящимися к числу должностных (ст. 288 УК).

Завершая рассмотрение вопроса, отметим, что далее юридический анализ конкретных преступлений, предусмотренных главой 30 УК, будет проведен в соответствии с их классификацией по признаку субъекта. В настоящем курсе такое изложение представляется предпочтительным, так как в основном соответствует последовательности регламентации этих преступлений самим законодателем. Однако состав «дача взятки» (ст. 291 УК), относящийся к группе преступлений, совершаемых общим субъектом, целесообразнее будет рассмотреть после состава «получение взятки» (ст. 290 УК), поскольку эти деяния неразрывно связаны между собой и охватываются общим понятием «взяточничество».

§ 3. Преступления, совершаемые только должностными лицами

А. Злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК)

Наиболее опасными и достаточно распространенными среди преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления являются злоупотребления должностными полномочиями. Удельный вес зарегистрированных фактов должностного злоупотребления в общем числе преступлений, предусмотренных главой 30 УК, в период с 1997 по 2006 г. составлял от 15,7 до 19,0 %. Причем число таких преступлений непрерывно растет. В 1997 г. в Российской Федерации было совершено 2848 преступлений, предусмотренных ст. 285 УК, в 1998 г. – 3157, в 1999 г. – 4176, в 2000 г. – 4797, в 2001 г. – 4133, в 2002 г. – 3816, в 2003 г. – 4400, в 2004 г. – 5033, в 2005 г. – 6941, в 2006 г. – 6634 преступления[122]

[122] См.: Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000. С. 368; Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М., 2001.С. 542; Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее. М., 2004.С. 105; Преступность, криминология, криминологическая защита. М., 2007. С. 355; *Гончаров В. А.*Злоупотребление должностными полномочиями: законодательный и правоприменительный аспекты. Авто реф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.